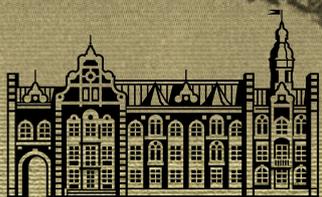

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИСТОРИКОВ
И ПАМЯТИ НАРОДА**

Государственный архив
Республики Марий Эл

Основано в 1866 г.
РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл»

Отделение Ассоциации «Российское историческое общество»
в Республике Марий Эл

**«Первая мировая война в исследованиях
региональных историков и памяти народа»**

(материалы научно-практической конференции)

18 октября 2024 г.

Йошкар-Ола
2024

Первая мировая война в исследованиях региональных историков и памяти народа: сборник материалов научно-практической конференции. – Йошкар-Ола: ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл», Отделение Ассоциации «Российское историческое общество» в Республике Марий Эл, 2024. – 79 с., илл.

Настоящий сборник материалов конференции предназначен для историков, краеведов, учителей, студентов и широкого круга читателей.

За содержание, цитирование, использование графического материала юридическую ответственность несут авторы статей.

СОДЕРЖАНИЕ

О конференции	3
Рокина Г.В. Иностранцы военнопленные в Царевококшайске в годы Первой мировой войны: правовая база и историческая практика	4
Корякин В.Н. Печать и почтовая продукция времён Первой мировой войны в фондах Музея истории города Йошкар-Олы	17
Сердюков А.В. Герой Отечества Николай Кокорин	26
Соколов А.В. Забытые солдаты забытой войны	34
Лазуркина М.Н. Козьмодемьянск – один из центров размещения беженцев и военнопленных времён Первой мировой войны	41
Соловьёва Н.Г. Усилия тыла для помощи фронту, ветеранам и семьям погибших воинов.....	47
Мохов Р.В. Мобилизация жителей Марийского края в годы Первой мировой войны.....	52
Севрюгина О.А. Боевое участие в Первой мировой войне Петра Васильевича Власова, директора Республиканской библиотеки МАССР в 1946–1958 гг.....	58
Семёнов А.А. Учащиеся Симбирской чувашской учительской школы – участники Первой мировой войны.....	67
Шерстнёв В.Л. Беженцы в городе Козьмодемьянске.	75

О конференции

18 октября 2024 г. в Государственном архиве Республики Марий Эл прошла Межрегиональная научно-практическая конференция «Первая мировая война в исследованиях региональных историков и памяти народа», посвящённая 110-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Организаторами конференции выступили Государственный архив Республики Марий Эл и Отделение Российского исторического общества в Республике Марий Эл.

В конференции приняли участие учёные Марийского государственного университета, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, представители Йошкар-Олинской Митрополии Московского Патриархата, сотрудники архива, музеев, библиотек, образовательных учреждений и общественных организаций.

Открытие конференции началось с презентации историко-документальной выставки «Первая мировая война: эпоха и люди», подготовленной сотрудниками Госархива. Выставочная экспозиция располагается на пяти уличных демонстрационных стендах на площадке у здания архива и посредством архивных документов и фотоматериалов рассказывает о начале войны, ходе мобилизации, об участии жителей Марийского края в боевых действиях на фронте, об оказании помощи солдатам, их семьям и беженцам на территории Марийского края.

С приветственными словами к участникам мероприятия обратились: Директор Государственного архива Республики Марий Эл, председатель Совета Отделения Российского исторического общества в Республике Марий Эл А.М. Одинцов; Советник Главы Республики Марий Эл, председатель Регионального отделения Российского военно-исторического общества в Республике Марий Эл Е.П. Кузьмин; Заместитель Министра внутренней политики, развития местного самоуправления и юстиции Республики Марий Эл В.В. Викторов; Благочинный Йошкар-Олинского церковного округа протоиерей Андрей Норкин, Директор Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева С.В. Зверева.

Площадкой для заслушивания докладов конференции стал конференц-зал Государственного архива Республики Марий Эл.

С интересными и содержательными докладами по широкому кругу вопросов, связанных с жизнью Марийского края в годы Первой мировой войны и сохранением памяти её участников, выступили: доктор исторических наук, профессор Марийского государственного университета С.В. Стариков; доктор исторических наук, профессор Марийского государственного университета Г.В. Рокина, сотрудники Госархива, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, музеев и библиотек, учебных заведений.

В заключение участники поблагодарили организаторов за важное и нужное мероприятие, за предоставленную возможность живого общения и обмена своими исследованиями и мнениями.

Иностранные военнопленные в Царевококшайске в годы Первой мировой войны: правовая база и историческая практика

*Г.В. Рокина, д.и.н., проф.,
заведующая Учебно-исследовательской
лабораторией локальной истории ФГБОУ ВО
«Марийский государственный университет»*

Аннотация. В статье предпринята попытка обобщить доступные материалы по истории Марийского края в годы Первой мировой войны, подробно раскрыта тема пребывания иностранных военнопленных в Царевококшайском лагере, освещены проблемы, с которыми столкнулись местные власти по вопросам приёма, размещения и обеспечения беженцев и военнопленных.

Ключевые слова: Первая мировая война, Государственный архив Республики Марий Эл, военнопленные, Царевококшайский уезд.

Первая мировая война 1914–1918 гг. – это первый конфликт в истории, в котором феномен военного плена проявил себя столь массово. По примерным оценкам, из 60 млн воюющих 8 млн солдат и офицеров оказались в плену. Разумеется, ни одна из стран не была готова содержать такое количество безоружных врагов. Около 3 млн солдат и офицеров противника были захвачены в плен Русской армией. Для сравнения, германцы пленили 2,5 млн человек.

Уже в ходе войны шло совершенствование правовой базы содержания военнопленных.

Нужно отметить, что в целом условия содержания военнопленных в тот период уже были регламентированы требованиями Гаагской конвенции 1907 г., в которых предполагалось на долгие годы определить «цивилизованные правила» ведения войны. На Гаагской конференции 1907 г. были выработаны правила обращения с военнопленными, их обязанности, а так же определялся статус военнопленного. В статьях указывалось, что с военнопленными надлежит обращаться человеколюбиво, и всё то, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, должно оставаться в их собственности. Пленных могли привлекать к работам сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны были быть слишком обременительными и не должны были иметь никакого отношения к военным действиям. Солдатам и офицерам, попавшим в плен, согласно статьям конвенции, должна была предоставляться полная свобода отправления религиозных обрядов.

25 сентября 1914 г. Советом министров России были одобрены «Основные положения о применении труда военнопленных».

В октябре 1914 г. Николай II утвердил «Положение о военнопленных», в котором выдвигалось требование обращаться с военнопленными

человеколюбиво, «как с законными защитниками своего Отечества». Приказы военного министра России запрещали применение к пленным физических наказаний или длительного тюремного заключения. Наибольшее наказание – 30 суток ареста – следовало за попытку побега. Пленные солдаты питались по нормам, установленным для нижних чинов Русской армии. Офицеры размещались отдельно от нижних чинов, военное ведомство платило им жалование.

Летом 1915 г. в Копенгагене при посредничестве Красного Креста состоялась неофициальная встреча представителей России и Германии, посвящённая вопросам плена. Была высказана необходимость созыва конференции для его урегулирования. Наибольшую активность проявила шведская организация Красного Креста, которую возглавлял сын короля Швеции Оскара II – принц Карл. 22 ноября 1915 г. открылась первая Стокгольмская конференция, среди участников которой были делегации России, Германии, Австро-Венгрии и Швеции. Её итогом стало принятие особой конвенции о содержании военнопленных. Были определены условия жизни, питания и медицинского обслуживания, обмена списками пленённых, денежными переводами и корреспонденцией. Среди прочих послаблений в условиях содержания пленных было отмечено разрешение на чтение книг и отправку их в посылках, а также возможность свободного передвижения на свежем воздухе и прогулок вне лагерей. Кроме того, разрешалось при необходимости ходатайствовать о перемещении отдельных лиц в более благоприятные районы для квартирования, связанные, к примеру, с состоянием здоровья и требуемыми для его поддержания климатическими условиями.

Текст конвенции был подписан в Стокгольме 1 декабря 1915 г. Но, видимо, он был столь желаем и ожидаем по обе стороны фронта, что воюющие державы незамедлительно приступили к осуществлению предписаний. Немалую роль сыграли в этом представители Красного Креста, активно включившиеся в процесс ревизии лагерей и рассмотрения ходатайств пленных.

Стокгольмская конвенция, подписанная представителями Красного Креста России и центральных держав в 1915 г., уточняла в духе Гаагской конвенции 1907 г. статус и права военнопленных, находившихся на территории России и её противников, накладывала определённые обязательства на правительства государств, на чьей территории оказались пленные. На практике требования этого положения в полном объёме выполнить было весьма трудно, так как обеспечение приемлемых условий существования для столь огромного количества новых жителей стало непосильным бременем для империи.

Казанская губерния стала одним из центров размещения беженцев, интернированных и военнопленных. Казань в годы войны была центром тылового округа, включавшем в себя 11 губерний и две области. На территории этого округа было размещено четверть всех лагерей для

военнопленных в России (113 из 400 тысяч соответственно). В них было размещено 300 тысяч военнопленных. Данная тема уже была предметом научных изысканий автора [7; 8; 9].

Как свидетельствуют исторические источники, ни военная, ни гражданская администрация региона не были готовы к приёму такого количества новых обитателей. В Казанской губернии за годы войны не было достроено до конца ни одного специального лагеря для их содержания. Такие лагеря, например, строились в Сибири, условия содержания в них были гораздо более тяжёлыми, чем в центральных областях России. В Поволжье же офицеров размещали на квартирах без охраны, лишь под надзором полиции. Военнопленные жили по соседству с местным населением, которое, судя по отчётам, спокойно относилось к присутствию в губернии подданных враждебных держав.

Уездным властям Царевококшайска предстояло решать сложнейшие вопросы, связанные с регистрацией, устройством и расселением беженцев, а военному ведомству – с обустройством военнопленных (ил. 1). На чрезвычайном заседании Царевококшайского уездного комитета Всероссийского земского союза, состоявшемся 6 августа 1915 г., постановили «... организовать справочное бюро по приисканию занятий беженцам, бюро по приисканию квартир для беженцев, бюро по сбору пожертвований деньгами и вещами ...». Для размещения беженцев были выделены помещения в Царевококшайском городском училище, церковных сторожках при Соборной, Троицкой церквях, монастырской гостинице, в доме Булыгина, Чулкова, при земской больнице. Беженцы прибывали партиями, семьями, вели за собой скот – лошадей, коров.

Ил. 1. Австро-венгерские пленные офицеры в Царевококшайске у дома Антоновых. 1915 г.

В телефонограмме на имя Казанского губернатора, отправленной Царевококшайской уездной земской управой 22 сентября 1915 г., сообщалось, что в город Царевококшайск «прибыло 1230 беженцев, 137 голов скота. На пути следования [ещё] 1685 человек, 550 голов скота. Положение их ужасное. Голодают. Недостаток тёплой одежды. Появляются заболевания ... Местные средства иссякли» [30]. Николай Григорьевич Корепов, бывший в то время городским старостой, просил выделить городу «не менее 2000 рублей ... на прокорм скота и беженцев и на выдачу им суточного довольствия». Деньги выделялись, но их не хватало на удовлетворение даже самых насущных проблем беженцев. Несмотря на финансовые трудности, в городе организовывались питательные и распределительные пункты для беженцев. В 1915 г. в Царевококшайске и прилегающих к нему окрестных волостях было размещено 5000 беженцев из Холмской и Гродненской губерний.

Большой вклад в дело устройства беженцев внесли благотворительные организации – Комитет Её Императорского Величества Великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий, Царевококшайский уездный комитет помощи беженцам – которые заботились о детях-сиротах, занимались выдачей пайка, организацией питательных и распределительных пунктов, регистрацией беженцев, снабжением одеждой людей, лишившихся крова. Проводились лотереи, деньги от которых поступали в пользу беженцев [30].

По последним данным за годы Первой мировой войны в плену оказалось около 8 млн солдат и более 200 тыс. мирных граждан [5]. К такому повороту событий оказались не готовы практически все противоборствующие стороны. Российская империя, будучи одной из главных участниц войны, оказалась в числе стран, наиболее пострадавших от событий 1914–1918 гг. В России было сосредоточено более 2 млн военнопленных германской, австро-венгерской, турецкой, итальянской, болгарской и других армий стран – противниц Антанты [6].

Пленных стали распределять по уездным городам и даже деревням на втором году войны. Размещение военнопленных на территории России было организовано по национальному принципу. В привилегированном положении оказались военнопленные Австро-Венгрии, так как многие из них были славянского происхождения. Пленных же немцев, австрийцев и венгров отправляли, как правило, подальше от центра – обычно за Урал: в Омский, Иркутский, Туркестанский и Приамурский военные округа. На территорию одной только Казанской губернии, как утверждает Д. Люкшин, прибыло более двадцати тысяч военнопленных австро-венгерской, германской и итальянской армий [6]. На берегах Волги обрели временное пристанище представители практически всех этнических групп, населявших империи Гогенцоллернов и Габсбургов: немцы, мадьяры, русины, поляки, чехи, евреи, словенцы, хорваты, боснийцы, словаки, румыны, болгары, сербы и т.п.

Как видно из документов Государственного архива Республики Марий Эл, в «Царевококшайском лагере военнопленных» находились офицеры и солдаты, взятые в плен в основном в конце 1915 и начале 1916 г. Термин «лагерь военнопленных» не означал в данном случае обнесённых забором барачных, а понимался условно. В Царевококшайске не нашлось помещений, пригодных для организации полноценного лагеря для военнопленных, поэтому пленные были размещены казарменно на частных квартирах. Офицеров поселили в двух домах: доме Корепова в Слободке и доме Чернова на Кирпичной улице [10] (ил. 2). Первый дом – деревянный, одноэтажный, имел 6 комнат, в которых жили 23 офицера, размещённые по национальностям. Второй дом – двухэтажный, на втором этаже жили 4 офицера.

Ил. 2. Бывший дом купца Корепова. Фото 2000-х гг.

В составе пленных, оказавшихся в Царевококшайске, число офицеров в два – три раза превышало число солдат, так как в маленьком городе негде было применить солдатскую рабочую силу и крупные партии солдат сюда не направлялись.

Царевококшайский лагерь был преимущественно офицерским. К концу 1915 г. в городе находилось 27 офицеров и 16 нижних чинов австрийской армии. Ожидалось прибытие в начале 1916 г. ещё 67 офицеров [11]. Постепенно количество военнопленных увеличивалось, данные на 1 февраля 1918 г. были следующими: 90 офицеров и 28 солдат [12]. В одной из бумаг начала 1918 г. перечисляются гражданские специальности военнопленных офицеров, которые к тому времени ещё оставались в Царевококшайске, их было 77 человек. Среди них было 17 чиновников, 7 учителей, 7 адвокатов, 6 «прочих юристов», 4 студента. Трое названы профессорами, видимо, речь идёт о преподавателях высших учебных заведений. Были также три инженера, два техника, два нотариуса, по одному были представлены

агрономы, электротехники, бухгалтеры, геологи и один прописан «типографом» [13]. Среди нижних чинов перечислены лишь профессии тех, кто использовался в плену по этим специальностям: трое сапожников, трое портных, два слесаря. Солдаты, как правило, были в большинстве крестьянами и рабочими.

подавляющее большинство пленных были военнослужащими австро-венгерской армии. Германцев было менее десятка: с февраля по ноябрь 1916 г. в городе находилось пять офицеров германской армии. Среди солдат в 1916 г. лишь один был немцем, в 1918 г. – двое [14]. Все остальные пленные были подданными Австро-Венгрии и, судя по фамилиям и именам, принадлежали к самым разным народам многонациональной монархии. В списках офицеров и солдат были как немецкие (Ганц, Мюллер, Фишер) и венгерские фамилии (Гергутти, Мольнар, Сабо), так и чешские, словацкие и украинские (Петрашек, Новак, Грушенецкий, Халупецкий, Панасюк, Кузляк).

К месту размещения пленные доставлялись по железной дороге, либо по рекам, на пароходах. Оказавшимся на пересыльном пункте или на месте постоянного размещения разрешали отправлять телеграммы родственникам и знакомым, пленные могли связаться даже с однополчанами. Жизнь военнопленных чётко регламентировалась, они получали всё, что им было положено. Вместе с тем, надзор за ними был достаточно строгим, любые нарушения режима строго пресекались.

Режим содержания и внутренний порядок определялись инструкцией, имевшейся в каждом помещении, где жили военнопленные. Структура охраны военнопленных в Царевококшайске была следующая. Полковник Недашковский являлся уездным воинским начальником. В его подчинении находились прапорщик Чернов с 15 ратниками. Они осуществляли непосредственную охрану военнопленных. В его обязанности входило: 1) до 9.00 обходить все занимаемые военнопленными помещения с целью проверить их количество и порядок среди них, 2) в течение дня надзирать за порядком и следить за дежурными и дневальными, 3) давать наряды военнопленным и дежурным на подённую работу в Управлении, 4) надзирать за состоянием настроений и здоровья военнопленных, 5) ежедневно обходить сторожевые посты по одному разу днём и ночью, 6) делать вечернюю переключку военнопленных, 7) взыскивать с военнопленных и ратников за проступки. Исполнять обязанности Чернову помогали ежедневные дежурные по команде, которые осуществляли надзор за военнопленными. Дежурные по команде – это ратники, осуществляющие непосредственное окарауливание военнопленных в свою смену. В помощь дежурным были призваны старшие по помещениям из числа военнопленных. Как правило, старшими по комнате назначались немцы и мадьяры, как наиболее образованные из военнопленных. В их обязанности входило следить за состоянием здоровья пленных и сообщать обо всех их просьбах дежурному по команде.

В делопроизводстве Недашковскому помогал коллежский секретарь Брызгушкин. Его обязанностями было составление деловых бумаг, ведение

переписки с воинским начальством местной бригады и военного округа. Всего в Царевококшайском управлении состояло 18 человек, один из них был гражданским лицом. Они осуществляли охрану военнопленных и контролировали, в меру своих сил и возможностей, жизнь и быт военнопленных офицеров и нижних чинов.

Режим и условия, установленные для военнопленных, были довольно мягкими и либеральными. Распорядок дня был следующий: в 6 утра подъем; в течение часа они одевались, умывались, убирали постель; с 7 до 8 часов прапорщик Чернов совместно с дежурным по команде проводили их утреннюю поверку и смотр, после чего они с 8 часов в течение часа завтракали. Часы с 9 до полудня были отведены для часовых прогулок пленных. На прогулки они выходили колоннами или несколькими партиями в сопровождении ратников конвоя и прапорщика Чернова. Однако, с увеличением количества военнопленных, было выделено дополнительное время для прогулок после обеда. С послеобеденными прогулками военнопленных связан один любопытный курьёз. Довольно часто их водили по Покровской и Вознесенской улицам Царевококшайска, которые огибали здание Полицейского управления до женского монастыря. Именно в эти часы после занятий, приблизительно с 16.00 до 19.00, здесь гуляли гимназистки. Совершенно понятна и естественна та тяга и желание, почему молодые австрийские офицеры стремились по весне гулять по этому маршруту. Поэтому педагогический совет Царевококшайской женской гимназии был вынужден попросить уездного воинского начальника не допускать прогулок военнопленных по тем улицам после 16 часов вечера [15]. Разумеется, просьба была удовлетворена. При выгуле военнопленных Недашковский требовал от ратников строго соблюдать правила и инструкции. В его Управлении прогулки им разрешались ввиду гигиены, а не весёлого времяпрепровождения. Он не разрешал им гулять по 2-3 раза в день, играть в футбол, как это практиковалось в Тетюшах. Или свободно гулять без конвоя по городу, как это практиковалось в Актарске. Там это привело к тому, что военнопленные разгуливали с девицами и даже торговали порнографией. Но, несмотря на все принимаемые меры предосторожности, военнопленным в Царевококшайске удавалось каким-то способом общаться с обывателями города, что им строжайше запрещалось. Так, например, 8 марта 1916 г. дежурный по команде застал военнопленного кадета Александра Барто за разговором с военнообязанной женщиной-немкой. Естественно, что за такое нарушение Александр Барто по приказу Недашковского был арестован на 7 суток при Управлении, а ратника, окарауливавшего пленных офицеров, за то, что допустил женщину-немку в помещение пленных офицеров, арестовали на 10 суток [16].

Данные факты свидетельствуют о том, что, несмотря на строгие правила и инструкции, молодая жизнь офицеров, находящихся в плену, была ключом. Этому немало способствовала продажность охраны, которая пропускала девиц к офицерам. Царевококшайский уездный воинский

начальник, сохранявший доселе невозмутимость, был буквально взбешен этими случаями. Это видно по характеру его апрельского приказа, где он отменял все предыдущие указы и инструкции по Управлению. Вместо них он приказал выгуливать военнопленных всех вместе одной колонной в течение одного часа, с 9 до 10 часов утра, после этого выходить кому-либо из помещений воспрещалось. Открывать же окна, выходящие на улицу, он воспретил вовсе, это было сделано с целью предотвратить любое их общение с посторонними. Однако, в конце апреля им были сделаны некоторые снисхождения в режиме. Пленным было разрешено с 10 утра до полудня находиться во дворе дома под строгим надзором охраны [17]. С полудня по 14 часов дня военнопленные обедали в своих квартирах. После, до 16 вечера военнопленные были предоставлены сами себе и занимались своими делами. Они имели право читать выписываемые ими газеты и книги, писать письма на родном языке и отсылать их домой. Правда, стоит отметить, что военнопленные часто писали свою корреспонденцию мелким, небрежным почерком, что делало просмотр писем весьма затруднительным. Потому председатель Казанской военно-цензурной комиссии просил, чтобы до военнопленных донесли, что «всякая небрежность и неразборчивость писем влечёт за собой неизбежную задержку отправки их по назначению, что является, безусловно, не в интересах самих военнопленных» [18]. С 16 до 18 часов вечера военнопленные занимались уборкой территории двора и помещений. После уборки военнопленные в течение полутора часов готовили пищу и ужинали. По окончании ужина, в 19.30, они строились на поверку, где им раздавали письма. Ровно в 21.00 военнопленные отходили ко сну.

В пункте, касавшемся пищевого, вещевого и денежного снабжения военнопленных, отмечалось, что «все офицеры состоят на обер-офицерском довольствии, получают ежемесячно 20 числа по 50 руб. жалованья» [19]. В 1916 г. это были приличные деньги. Для сравнения отметим, что заведующий военнопленными, прапорщик Чернов, получал содержание 60 рублей, делопроизводитель Управления воинского начальника военный чиновник Брызгушкин, – 58 рублей, а сам воинский начальник, подполковник Недашковский, – 175 рублей [20]. Пленные нижние чины «довольствуются ежедневно горячей пищею», которую получали из кухни Управления воинского начальника. Им полагалось в рационе мясо, крупы, выдавались сахар, «чайное довольствие», мыло для стирки белья. «Каждый пленный нижний чин имеет две смены белья, исправные сапоги, шинель, фуражку и всё требуемое одеяние, как офицеры, так и нижние чины пользуются еженедельной баней Управления» [21]. Кроме того, военнопленные имели возможность получать через американский Красный Крест денежные переводы с родины, выдаваемые им в рублях.

Как свидетельствуют архивные документы, военнопленные большую часть времени проводили в закрытых помещениях. Психологически такое вынести трудно, несмотря на то, что здесь имелось всё необходимое для

жизни: табуреты, скамейки, полки, вешалки, кровати для офицеров, нары для нижних чинов, тюфяки, постельные принадлежности, умывальники, утиральники. Все эти предметы обихода предоставлялись военнопленным городской управой. В случае, если им чего-то было надо, они могли обратиться с жалобой или просьбой к дежурному по команде. По мере возможности все их просьбы удовлетворялись, при условии, что они не противоречили основным правилам «Положения о военнопленных».

Большая часть военнопленных, состоящая из офицеров, проводила день в полнейшем безделье. Их даже не использовали ни на каких работах. Также им не разрешали найти работу в городе по своей специальности. Потому военнопленные при попустительстве охраны довольно часто в тёплое время года уходили в так называемые «самоволки». В конце концов Недашковский решил, что полицейские должны задерживать тех военнопленных, которые «праздно шатаются без конвоя» по городу [22]. С ужесточением режима в самоволки стали отлучаться главным образом денщики офицеров. Только с 19 по 21 мая было поймано 4 денщика, которые ходили по городу без конвоя [23]. В основном денщиков посылали военнопленные офицеры по каким-либо своим делам. К примеру, их могли послать, как Народи Лаюша, в булочную Сергеева за хлебом [24]. Однако, в самоволки продолжали уходить и офицеры. Они могли тайком отлучиться к одному из лучших в Царевококшайске портных Менделю Вивату, чтобы заказать себе новый френч или партикулярное платье. Военнопленные настолько часто это делали, что портной был вынужден обратиться с заявлением к уездному начальнику Недашковскому. В заявлении он сообщал о том, что офицеры в любое время суток запросто являлись к нему прямо на квартиру и настойчиво требуют сшить им платье [25]. Частое обращение офицеров к портному объясняется тем, что 6 портных, работавших в мастерской, просто физически не справлялись с обшиванием более 100 военнопленных.

Несколько иными были условия жизни и быта нижних чинов из числа военнопленных. Их повседневная жизнь была наполнена всевозможными хлопотами и обязанностями. Все нижние чины делились на несколько категорий: денщики, портные, сапожники, огородники, прислуживающий персонал при медпункте и кашевар [26]. Один денщик, как правило, полагался на четырёх офицеров. Денщики помогали офицерам, в частности, в приготовлении пищи, которая готовилась по месту жительства последних. Категория денщиков была наиболее многочисленная среди нижних чинов.

Второй по численности категорией являлись сапожники. Их в Управлении было 10 человек. Все они ежедневно работали в сапожной мастерской, располагавшейся в доме Лебедева на Кирпичной улице [27]. Также в Управлении среди пленных было двое огородников. В их обязанности входила разбивка огородов и ежедневная работа на них летом. Зимой же они исполняли обязанности денщиков. Кроме этого при Управлении в октябре 1915 г. был организован медпункт для военнопленных.

Его обслуживали: 1 врач – Теодор Манн, 1 студент медик – Юзеф Катона и 2 нижних чина, исполнявших обязанности санитаров [28]. В августе 1916 г. медпункт был упразднён в связи с тем, что Катона и Манн уехали на родину.

Все военнопленные нижних чинов были заняты какой-либо подённой работой в течение всего дня. Рабочий день у них был аналогичным по продолжительности, как и у гражданских работников их профессий (сапожников, санитаров, портных, и др.) в данной местности. Рабочая неделя составляла 6 дней, а воскресенье был днём отдыха. В воскресенье пленные целый день занимались исключительно своими делами. Как правило, в эти дни они обязательно справляли церковную службу. Многие из них в этот день занимались тем, что писали письма на родину. Кроме этого, они могли играть в шахматы и карты. Во избежание эксцессов, играть в карты на деньги было запрещено. Пленным разрешалось играть на музыкальных инструментах, поэтому они практически ежедневно по несколько часов музицировали на балалайках, скрипках и духовых инструментах, которые привезли с собой 66 военнопленных офицеров из Чистополя. Играли они исключительно берлинские марши и венские вальсы. Со временем музицирование военнопленных настолько надоело горожанам, что уездному исправнику пришлось пожаловаться уездному воинскому начальнику на это «безобразие». В связи с этим, Недашковский ограничил право музицировать военнопленным. С апреля месяца они могли играть на инструментах только до полудня, после чего шуметь им категорически запрещалось. Помимо повседневных развлечений военнопленным было позволено праздновать Рождество Христово и дни тезоименитства императоров Вильгельма и Франца-Иосифа.

Содержание военнопленных нижних чинов осуществлялось Управлением воинского начальника за счёт сумм, отпускаемых Окружным интендантством. В приказах по Управлению фиксировались приход и расход. Так, в приход заносились полученные по талонам Казанского окружного интендантства: «две тысячи руб. кормовых пересыльным нижним чинам»; «на покупку провианта 400 руб., приварочных и чайных 400, а всего 800 руб.»; «на покупку мыла военнопленным нижним чинам 20 руб.», и т.д. А в расходе числились: «уплаченные по счёту торговца Михаила Чулкова за купленный у него кожаный товар для приготовления военнопленным нижним чинам сапог в мастерской при вверенном мне Управлении всего 224 руб. 47 коп.»; «уплаченные торговцу Юсупову за доставленный провиант в августе месяце для военнопленных нижних чинов 32 руб. 13 коп. и поставщику Кельбедину 91 руб., а всего 123 руб. 13 коп.»; «уплаченные торговцу Юсупову за мыло для военнопленных нижних чинов 15 руб. 75 коп.»; «выданные в сём ноябре вещи военнопленным нижним чинам ... а именно: суконных рубах 1, шинелей 4, шаровар 11, нательных рубах 29, исподних брюк 29, мундиров защитного цвета один и шерстяных носков 34» и пр. [29].

Таким образом, в 1915 г. пленный имел возможность не только хорошо питаться, но и существенно улучшить своё материальное положение. Другим серьёзным источником денежных средств была материальная помощь своим военнопленным ряда частных фондов Германии и Австро-Венгрии. Так, из Германии через «Дойче банк» было переведено для военнопленных в России 14 млн. 700 тыс. руб., из Австро-Венгрии – более 7 млн. руб. [6]. Кроме того, военнопленные офицеры получали жалование в зависимости от чина в 50–100 руб. в месяц.

В сравнении, скажем, с Сибирью, Поволжье представлялось благодатным местом, в 1915–1916 гг. в Казанской губернии умерли всего шесть военнопленных: трое скончались от дизентерии и тифа, один солдат скончался от ран, прапорщик австро-венгерской армии Янош Асман утонул во время купания в Каме, и еще один человек повесился в лесу в Царевококшайском уезде, причины самоубийства так и остались невыясненными [4]. Попытки побега также были крайне редкими, что объясняется как удалённостью Поволжья от линии фронта, суровым наказанием для беглецов (их заключали в тюрьму), так и отсутствием внятных стимулов для побега.

После революции 1917 г. жизнь и быт военнопленных в России стали испытывать воздействие потрясений и сдвигов, происходивших в стране. С одной стороны, имела место либерализация режима содержания пленных – они получили больше возможностей для самоорганизации и выражения своих интересов. С другой, вместе с нарастанием экономических трудностей ухудшалось их материальное положение, стали отмечаться факты недоставки пленным писем, посылок и переводов. Так, например, Г.И. Кириллов в своей статье утверждает, что в октябре 1917 г. военнопленный офицер Шандор Дьердьфи писал уездному почтовому начальству, что не получил отправленных денежных посланий, об отправке которых его известили из дома [2]. Были пропажи нескольких посылок с вещами и продуктами. Военнопленные добивались облегчения условий своей жизни в плену. По ряду моментов власти шли им на встречу. Так, в конце декабря 1917 г. в приказе по Казанскому военному округу были обнародованы правила, устанавливающие особые льготы для военных поляков: более свободное содержание, большая свобода передвижения, объединения и др. Данные правила распространялись также на военнопленных чехов, словаков и украинцев. На основании этих льгот военнопленные всех национальностей вскоре начали через своих представителей добиваться большей свободы содержания. Наряду с общими заявлениями военнопленных поступали и заявления от отдельных лиц с конкретными просьбами.

Славянский вопрос заявил о себе уже с первых дней войны, когда пленённые офицеры и солдаты австро-венгерской армии, с одной стороны, а лидеры чешского движения, с другой, стали участниками создания чехословацкого легиона. Известный факт, что уже в августе 1914 г., в первый месяц войны, началось формирование чешских частей в составе Русской

армии. В это же время в Киеве с одобрения русского Военного министерства было создано военное подразделение «Чешская дружина» [1]. А в октябре 1917 г. стал формироваться Чехословацкий корпус из двух дивизий, которые пополняли пленные чехи и словаки, воевавшие в австро-венгерской армии и попавшие в русский плен. Ещё ранее была создана добровольческая Сербская дивизия из пленных австрийских славян.

В связи с этими обстоятельствами многие пленные славянского происхождения австро-венгерской армии покидали плен, добровольно подписавшись на вступление в Чехословацкий корпус. В настоящее время нет подтвержденных документальными источниками сведений, были ли среди чехословацких легионеров бывшие царевококшайские пленники.

Примечательно, что на общем собрании Царевококшайского уездного Совета солдатских и крестьянских депутатов 30 января 1918 г. присутствовал представитель от военнопленных, проживавших в городе. В духе времени он выступил с речью, в которой приветствовал Октябрьскую революцию, отметил «благодетельную деятельность» Совета депутатов, в связи с чем, по его словам, «тяжёлое положение [военнопленных] сделалось выносимым». Однако документы показывают, что положение пленных не улучшалось, а скорее наоборот, стало сложнее. Уже в 1918 г. они подавали заявления о перемене места жительства в связи с невозможностью заработать на пропитание, а 50 рублей жалования в условиях роста цен и дороговизны уже не могли обеспечить достойных условий проживания [3].

По данным документов Государственного архива Республики Марий Эл на март 1918 г. в Царевококшайске находились 77 пленных офицеров, 28 нижних чинов, из них только двое – германской армии.

В сентябре 1918 г. была образована Царевококшайская уездная коллегия о пленных и беженцах, которая произвела учёт «бывших вражеских военных и гражданских пленных»: всего по данным коллегии за период Первой мировой войны в уезде находилось 222 военнопленных австро-венгерской и германской армий.

Точно известно, что более пятидесяти человек из числа австро-венгерских пленных и беженцев нашли свой последний приют на городском кладбище Царевококшайска, что подтверждают сохранившиеся в архиве свидетельства о смерти, а также данные археологических раскопок на территории города Йошкар-Олы в начале XXI века.

Последние пленные из Царевококшайска были отправлены в Казань осенью 1918 г.: на этом завершилась история пребывания австро-венгерских военнопленных в Царевококшайске в годы Первой мировой войны.

Источники и литература:

1. Даниш, М. Участие словаков в чехословацких легионах Первой мировой войны / М. Даниш // Запад-Восток. – 2014. – № 7. – С. 35.
2. Кириллов, Г.И. Австро-германские военнопленные в уездном Царевококшайске (1915–1918 гг.) / Г.И. Кириллов // Марийский археографический вестник. – 1995. – № 5. – С. 37.
3. Лукиных, Н.А., Попова, Е.А. Уездный Царевококшайск в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Республики Марий Эл) / Н.А. Лукиных, Е.А. Попова // Запад-Восток. – 2014. – № 7. – С. 92–102.
4. Люкшин, Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России / Д. Люкшин // Родина. – 2002. – № 10. – С. 25.
5. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк. – М., 2005. – 629 с.
6. Новикова, И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену ... / И.Н.Новикова // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 2. – С. 55–58.
7. Рокина, Г.В. Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии: Царевококшайск и Козьмодемьянск / Г.В. Рокина // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории. – М., 2015. – С. 230–247.
8. Рокина, Г.В. Иностранные пленные Первой мировой войны в Марийском крае / Г.В. Рокина // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 1. – С. 72–77.
9. Рокина, Г.В. Первая мировая война и Марийский край / Г.В. Рокина // Псковский военно-исторический вестник. – 2015. – № 1. – С. 149–154.
10. Государственный архив Республики Марий Эл (далее ГА РМЭ). Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 30.
11. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 8.
12. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 35.
13. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 30.
14. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 138. Л. 24.
15. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 293.
16. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 68.
17. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 462.
18. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 138. Л. 5.
19. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 138. Л. 68.
20. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 321.
21. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 302.
22. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 378.
23. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 521.
24. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 522.
25. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 703.
26. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 501.
27. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 138. Л. 30.
28. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 240.
29. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137. Л. 18, 75, 156, 254.
30. ГА РМЭ. Ф. 124.

**Печать и почтовая продукция
времен Первой мировой войны
в фондах Музея истории города Йошкар-Олы**

*В.Н. Корякин, заведующий отделом
воинской славы МБУК «Музей истории
города Йошкар-Олы»*

Аннотация. В статье рассказывается об изданиях и почтово-благотворительных марках периода 1914–1918 гг., хранящихся в фондовых коллекциях МБУК «Музей истории города Йошкар-Олы». Приводятся основные номера дореволюционных журналов, в которых затрагивалась тема Первой мировой войны, а также почтовая продукция тех лет. Дается анализ и характеристика выпусков изданий, посвященных военной тематике. В конце статьи делается вывод о значимости и показательности данных предметов как материала для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Царевококшайск, печать, периодика, общественное мнение, почтовые марки, благотворительность, Первая мировая война.

Первая мировая война и последовавшие за ней события нарушили тихую размеренную жизнь патриархального Царевококшайска. Начался новый этап в истории как города, так и всей страны. Начавшись с патриотического подъема, война спустя время обернулась кризисом и разрухой, что привело к событиям Великой российской революции 1917–1918 гг. В Царевококшайске за это время несколько раз произошла смена местной администрации. Спустя несколько лет после окончания первого мирового конфликта XX столетия у города поменялось как название, так и статус: из уездного центра он превратился в национальную и культурную столицу народа мари.

Военные условия поставили новые требования перед обществом и властью. От разных слоёв населения теперь нужны были максимальные усилия в сфере армии, промышленности, народного хозяйства, образования и т.д. Военная мобилизация и переход многих отраслей экономики на военный режим изменили социально-культурный климат государства. Своеобразную трансформацию здесь переживали разные отрасли: литература, периодика, изобразительное искусство.

История Марийского края в годы Первой мировой войны в качестве отдельного вопроса стала рассматриваться в региональной историографии относительно недавно. Так или иначе, эта тема уже стала актуальной, на данный момент вышло много работ, освещающих аспекты региональной истории в 1914–1918 гг. Картину культуры, быта и внешнего облика уездного центра в первой четверти XX столетия рисуют труды С.В. Старикова «Панорама старого города» [15] и «Царевококшайский альбом» [16]. Анализу документов той эпохи, хранящихся в учреждениях Йошкар-Олы, посвящены статьи Н.А. Лукиных [7], Е.А. Поповой [7],

Л.Н. Комелиной [5]. Особенности развития Среднего Поволжья в военный период отражены в работах Г.В. Рокиной [13; 14].

В последние годы сохраняется традиция публикации сборников и коллективных монографий, приуроченных к различным историческим юбилеям и годовщинам. По-настоящему эпохальным событием стало издание в 2018 г. МарНИИЯЛИ первого тома мемориальной книги «Марийский край в Первой мировой войне 1914–1918 гг.», включающего списки по Царевококшайскому уезду [8]. В 2020 г. в честь столетия подписания декрета об образовании Марийской автономной области (МАО) вышел масштабный двухтомник «История Марий Эл с древнейших времен до наших дней» [2], отдельные разделы которого посвящены истории Марийского края в период Первой мировой войны. Наконец, спустя четыре года, в ознаменование 440-летия основания Йошкар-Олы, вышел аналогичный сборник по истории города [3], немалое место в котором уделено его состоянию и развитию в 1914–1918 гг.

Итак, основные вехи истории Царевококшайска времён войны отображены в многочисленных работах историков и краеведов. Данный вопрос может рассматриваться через призму большого числа источников в виде докладов, указов, рескриптов, статистических отчётов и прочих документов той поры. В разное время фондохранилищу МБУК «Музей истории города Йошкар-Олы» были переданы многие книги, пособия, марки, номера изданий, почтовые карточки и бланки периода 1914–1918 гг. Делились с фондами музея, в основном, старожилы города, потомственные йошкар-олинцы, потомки участников Первой мировой войны, а также коллекционеры [1]. Многие вышеозначенные материалы музея уже публиковались в выходивших ранее хрестоматиях и сборниках. В качестве примера можно привести хрестоматию-практикум, изданную в 2023 г., «Марийский край в военной шинели» [9], на страницах которой были напечатаны отсканированные версии фотографий, марок и открыток из музейных фондов. Мы же сосредоточимся на том печатном и почтовом материале, что представлен в составе фондовых коллекций «Документы» и «Печатная продукция».

Царевококшайск, для которого были характерны жизнь и быт дореволюционного русского города, развивался в рамках общегосударственных культурных процессов. Образованные горожане выписывали номера популярных тогда журналов – «Родина», «Всемирное обозрение», литературный еженедельник «Нива» и т.д. До наших дней дошли письменные упоминания о наличии в домах именитых и образованных царевококшайцев книжных собраний. Таковые сведения, например, имеются в воспоминаниях писателя Алексея Алексеевича Тихонова, известного под псевдонимом Луговой. О своих детских годах он пишет в очерке-повести «Как росла моя вера», который был опубликован в 1909 г. в № 3, 5–6, 10–11 журнала «Вестник Европы». В частности, Тихонов указывает, что у его отца, торговца Алексея Яковлевича, имелась богатейшая по тем временам

библиотека: «Мой отец, учившийся только в уездном училище, впоследствии с целью самообразования читал очень много, и всё, что было наиболее интересного, нового в литературе, выписывалось им, читалось и обсуждалось в товарищеских беседах с представителями местной интеллигенции» [4].

Периодика служит важным источником по изучению общественного мнения в годы войны. Из выпусков изданий владевшие грамотой царевкокшайцы черпали информацию, с их помощью формировали своё представление о ситуации в стране и на фронте. Одним из ведущих изданий страны начала XX в. являлся журнал «Нива». Ни одно крупное военное или политическое событие Первой мировой войны не проходило мимо внимания данного журнала.

Летом 1914 г. на страницах российских журналов появляются новые рубрики, такие как «Великая Европейская война», «Единение царя с народом» и т.д. Уже в первый год войны номера журналов начали оформляться иллюстрациями, передающими военную тему. Ярким примером использования изображений на армейскую тематику здесь служит выпуск «Нивы» № 52 от 1914 г. (ил. 1). На обложке номера изображена сцена боя. В пылу битвы, минуя дым, стремительно продвигаются вперёд офицеры и солдаты Русской императорской армии, вооружённые легендарными винтовками Мосина. Иллюстрация отвечает характеру не только военного времени в целом, но и конкретного этапа войны, когда русские части ещё воевали исключительно на территории врага. В общественных кругах тогда считалось, что война и далее будет носить наступательный характер. Гордо устремляющиеся вперёд бойцы передают общий позитивный и патриотически-пафосный дух, витавший в обществе на тот момент.

Ил. 1. Нива. – 1914. – № 52. МИГ КП 4498.

Всеобъемлющий характер войны, её влияние на литературу и журналистику приводили к тому, что армейской корреспонденции стали посвящать себя опытные военные кадры. Так, постоянным фронтовым обозревателем «Нивы» в эти годы был отставной подполковник, выпускник Алексеевского военного училища и Академии Генштаба, ветеран русско-японской войны К.М. Соломонов (Шумский) (1876–1938 гг.). Публиковавшийся в журнале его «Дневник военных действий» сопровождался богатым иллюстративным рядом, передающим полевую повседневность (ил. 2, 3). Основная задача представленных изображений – ознакомить читателя с бытом солдат, по сути, романтизировать его, воодушевить находящегося в тылу жителя страны, позволить ему морально сблизиться со своими согражданами на фронте.

Ил. 2. Нива. – 1915. – № 10.
МИГ НВФ 858/3.

Ил. 3. Нива. – 1915. – № 13.
МИГ НВФ 858/5.

С каждым новым выпуском сведения о войне всё больше «поглощают» содержание номеров. В конце выпусков изданий теперь, вместо рекламы, стали помещаться разделы военной хроники. [6]. В информационно-пропагандистскую работу включились представители разных творческих направлений: литераторы, журналисты, художники. Примером является офицер Русской императорской армии, поэт, драматург и профессиональный гуслир, уроженец Царевококшайского уезда Александр Ефимович Котомкин (Савинский) (1865–1964 гг.).

С началом войны А.Е. Котомкин был отправлен на Юго-Западный фронт, в регион Галиции. Летом следующего года он был демобилизован по ранению, в это же время вернулся к литературной деятельности. Будучи сторонником идей панславизма, Александр Ефимович много внимания уделял в своих сочинениях вопросам славянского единства, общих корней и судеб славянских народов. В частности, в эпоху Первой мировой войны поэт обращается к теме западнорусских земель. В одном из мартовских номеров

«Нивы» за 1915 г. было опубликовано его стихотворение «Из галицких мотивов» (ил. 4).

Изъ галицкихъ мотивовъ.

Они бѣжали отъ насилья,
Отъ грозныхъ ужасовъ войны...
Встрѣчаетъ ихъ, расправивъ крылья,
Орелъ имъ родственной страны.

Онъ ихъ зоветъ... И кличъ призывный
Надежду будить въ ихъ груди...

Залогомъ дружбы неразрывной
Заря сияетъ впереди...
Заря, что въ скорбную годину
На небѣ сѣвера горитъ...
Гуцулу, лемку и русину
Безъ словъ такъ много говорить.

А. Котомкинъ.

Ил. 4. Нива. — 1915 г. — № 13. МИГ НВФ 858/5.

Силами периодической печати России формировались образы военных деятелей. С этой целью в номерах публиковались портреты и биографии российских военачальников (ил. 5). Фигуры генералов носят идеализированный характер, особый упор делается на их высокий уровень военного образования, стратегические навыки, преданность монарху, Отечеству, вере и своему делу. Подобные образы должны были ещё больше повысить авторитет армии родной страны в глазах подписчиков, убедить в мудрости и компетентности высшего командования.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумного.

Ни Варшана, ни Львова...

Какъ известно, германскій генеральный штабъ всегда считалъ залогъ успѣха германскихъ армій прежде всего въ быстротѣ операций. Этой претензіонной идее не удалось осуществиться, и нѣмцамъ пришлось зарыться въ дѣланные линии окоповъ одинаково на западномъ и на восточномъ фронтахъ, но все же это не означало, что нѣмцы капитулируютъ и соглашаются на дѣловую военную осаду, гдѣ впередъ не предстоитъ ничего, кромѣ умирания, хотя медленнаго, но ибратнаго.

Почему всегда сѣхвало ожидать, что нѣмцы изобрѣтутъ какое-либо новое наступленіе, хотя бы просто потому, что естественное чувство самосохраненія всегда будетъ имъ подсказывать попытки разорвать охватывающее ихъ железное кольцо. Вѣдь съ тѣхъ наступленій на востокъ черезъ Буковину къ предѣламъ Трансильваніи обнаружало, что австро-нѣмцы ожидаютъ удара на тѣхъ концахъ ихъ дѣланныхъ фронтахъ, гдѣ они менѣе всего рассчитывали, и притомъ въ такихъ областяхъ, гдѣ имъ хотѣлось имѣть громадное политическое значеніе.

Такимъ образомъ перѣхъ германскимъ генеральнымъ штабамъ, всегда утверждавшимъ, что оборона вообще бесполезна, и что даже для самообороны необходимо наступать, возникла задача найти новые пути для наступленія. Фронтъ обинѣхъ сторонъ на Вурцъ, Гавль и Пилцицъ, т.е. все протяженіе линии окоповъ, идущее по русской Польѣ отъ Вислы до Галиціи, какъ вѣдѣно обнаружилось, не могло быть райономъ наступленія. Очевидно, осталось два выхода: либо наступать вѣдѣно, либо наступать правѣно.

Лѣвѣно — на сѣверномъ берегу Вислы и въ Восточной Пруссіи — нѣмцы предѣлали нѣсколько наступательныхъ попытокъ, но все оны быстро ликвидировались нашими войсками. Кромѣ того, районъ отъ Вислы до Балтійскаго моря недостаточно обширенъ для того, чтобы задумать какой-либо гибкій и неожиданный для насъ маневръ. Наконецъ, наступленіе изъ этого района должно было бы

Главнокомандующій арміями юго-западнаго фронта генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-артиллеріи Николай Ивановичъ Ивановъ.

Глава нашихъ армій на австрійскомъ фронтѣ генералъ-адъютантъ Н. І. Ивановъ отличенъ рѣдкой и единственной во всей нашей арміи боевой натрадой — орденомъ св. Владимира первой степени съ мечами. Наградженіемъ уже разѣе орденомъ св. Георгія 2-й степени, — высшихъ боевыхъ отличій, до того украшавшихъ грудь дѣлн частіаго черноврскаго короля Николая I, генералъ-адъютантъ Н. І. Ивановъ — единственный въ нашей арміи кавалеръ ордена св. Владиміра 1-й степени съ мечами. Высочайшее вознагоженіе послѣдовало при сабдунженіи австро-австрийскому резервн: «Николай Ивановичъ. Съ начала открытія военныхъ дѣйствій всѣ арміи, вѣрными вамъ, подъ ударами вашихъ начальствѣнъ побѣдоносно завоевали всѣ дѣланные вамъ задачи.

Разнообразныя и тяжелыя условія мѣстностей развитія нашихъ дѣйствій и сложная стратегическая обстановка требовали отъ васъ особаго искусства, твердости и знания, а равно и отеческой любви и попеченія къ нашимъ войскамъ. Заслуживъ средѣ австрійскихъ войскъ полное довѣріе, какъ въ начальству, такъ и въ войскамъ, вы заслужили уваженіе и признаніе всѣхъ частей нашей арміи. Вы заслужили уваженіе и признаніе всѣхъ частей нашей арміи.

приобрѣсти общее почтеніе и искреннюю привязанность каждаго нашего подчиненнаго. Столь важная для подготовки боевого успѣха достигнутая вами постоянная связь и взаимовѣрныя взаимоотношенія между арміями сѣверо-западнаго фронта требовали неустаннаго напряженія и особаго опыта, кои вы блестяще проявили и продолжаете проявлять въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ героическаго характера и всѣхъ частей. Видящимъ выраженіемъ душевной Москѣ благодарности за блестящіе боевыя заслуги, оказанныя вамъ престолу и отечеству, да послужатъ препровождаемые при семъ званія ордена святаго равноапостольнаго князя Владиміра первой степени съ мечами.

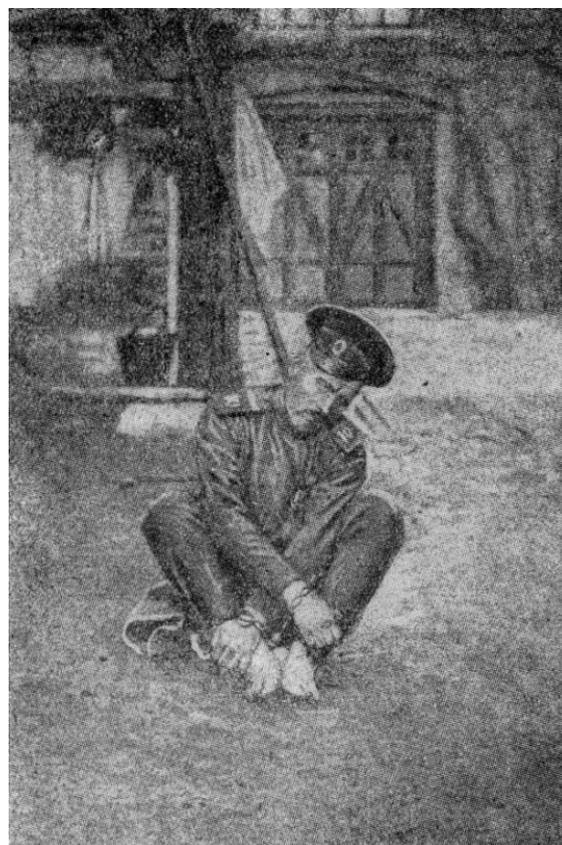
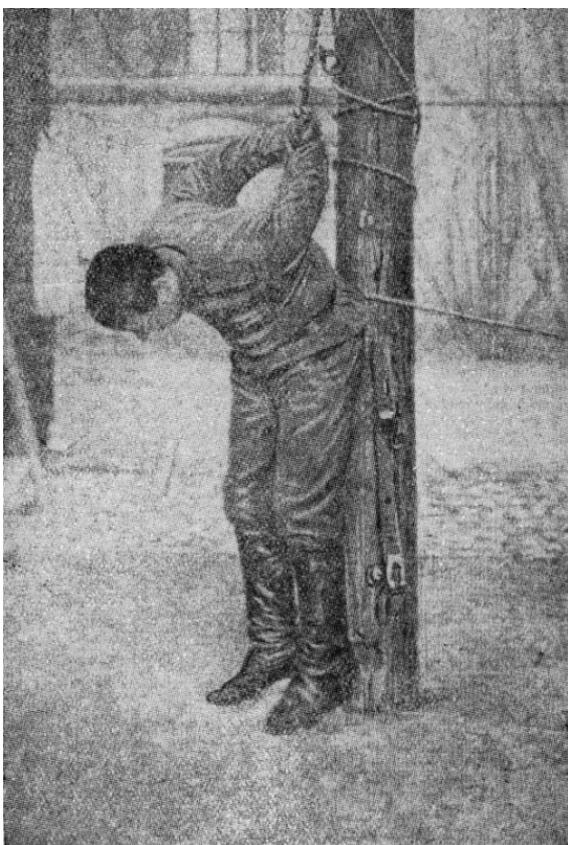
Пробываю къ вамъ навсегда вѣжливо благосклоненъ. На подлинномъ Собственно Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«И глубоко о васъ уваженъ»

НИКОЛАЙ.

Ил. 5. Нива. — 1915 г. — № 5. МИГ НВФ 858/1.

Большое значение во время войны стало приобретать формирование образа врага. В связи с этим одной из частых тем на страницах изданий стали военные преступления противника. Так, в номерах журнала «Всемирное обозрение» размещались фотографии пыток русских военнопленных, сопровождающиеся рассказами очевидцев и полученными корреспондентами сведениями (ил. 6, 7). Представленные фото призваны внушить читателям журнала смешанные чувства. С одной стороны, они неизбежно вызвали ужас от происходящего на фотоизображениях, жалость и сочувствие к попавшим в страшную ситуацию соотечественникам. С другой стороны, такие впечатления неизбежно компилировались в ненависть к врагу, совершающему эти преступления, в определенной мере способствовали расчеловечиванию образа противника.

Ил. 6, 7. Иллюстрированное всемирное обозрение. – 1916 г. – № 26. МИГ КП 1313.

Не оставалась в стороне от проблемы войны и духовная литература. Семья местного царевкокшайского священнослужителя, о. Николая Преображенского, располагала многими выпусками иллюстрированного журнала для чтения в православной семье «Воскресный день» [1; 4]. В фондах музея хранятся три номера данного издания за 1916 г., переданные в свое время внуком о. Николая Львом. Хотя выпуски представлены отдельными листами, многие статьи в них посвящены проблемам войны и веры, человека на войне, восприятия войны верующим человеком и праведником. Среди таких, к примеру, серия статей «Герои из православных

пастырей, запечатлевших смертью свой высокий долг на войне», «Мысли о. Иоанна Кронштадского о смерти на войне» [10].

Как можно видеть, на страницах изданий нашли свои отображения самые разные направления армейской тематики: сцены сражений, армейская повседневность, фигуры полководцев, судьбы пленных солдат. Периодика, таким образом, отвечала социальному заказу времён Первой мировой войны.

Многие из тех, кто остался в тылу, принимали участие в благотворительной деятельности, вели переписку с родными и близкими людьми, ушедшими на фронт. Через некоторое время после вступления Российской империи в Первую мировую войну Экспедиция заготовления государственных бумаг по заказу Императорского женского патриотического общества выпустила серию почтово-благотворительных марок с говорящим и характерным названием «В пользу воинов и их семейств» [12]. В ходатайстве о выпуске марок, направленном в Министерство внутренних дел, было написано: «Десять лет назад, во время возникновения Русско-японской войны, Императорское женское патриотическое общество ... предприняло ... издание особых почтовых марок ... Желая вновь прийти на помощь воинам и их семьям, Общество ... предполагает возобновить издание» [12].

Эскизы почтовых марок серии «В пользу воинов и их семейств» подготовил художник Экспедиции заготовления государственных бумаг Рихард Германович Зариньш, работавший и над первой благотворительной серией 1905 г. Надбавка к номинальной стоимости была указана на каждой из них и составляла 1 копейку. Телеграфные и почтовые сборы могли оплачиваться патриотическими марками наравне с обычными. Часть дохода поступала в специально организованный фонд помощи [12]. Проекты марок были утверждены 17 октября 1914 г., первый выпуск был осуществлён уже в ноябре 1914 г. Всего за первый год войны Экспедиция изготовила и передала Женскому патриотическому обществу и почтовому ведомству 1 млн 920 тыс. почтовых марок и 160 тыс. их образцов [12]. Внушительный тираж позволил новой продукции распространиться по всей стране, включая небольшие провинциальные городки, наподобие Царевококшайска.

Война воспринималась русским обществом и подавалась правительственными кругами как противостояние славянства со своим историческим врагом в лице германства. В связи с этим изобразительное искусство всё чаще стало обращаться к историческим сюжетам. Так, на марке в 1 копейку был изображён воин с окладистой бородой, вооружённый мечом и одетый в древнерусские доспехи – шлем и кольчугу (ил. 8).

Ил. 8. Марка почтовая
благотворительная.
Цена 1 коп.
МИГ КП 2799/1.

Ил. 9. Марка почтовая
благотворительная.
Цена 3 коп.
МИГ КП 2799/2.

Ил. 10. Марка почтовая
благотворительная.
Цена 10 коп.
МИГ КП 2799/3.

Иллюстрации на почтовой продукции отображали и современную им эпоху с характерными для неё символами. Так, марки в 3 копейки были украшены изображением прощающегося с возлюбленной кучерявого казака в фуражке, характерно надетой набок (ил. 9).

Не были обойдены вниманием и христианские сюжеты. На марке в 10 копеек было помещено изображение Святого Георгия Победоносца, восседающего на коне и пронзающего копьём змея (ил. 10).

Как видим, в своей иллюстративной части продукция почтово-благотворительного характера обладала самыми распространёнными изобразительными чертами того времени. В ней нашли отображение древнерусские, военные и житийные сюжеты, что было востребовано как обществом, так и государством.

Таким образом, мы рассмотрели основные печатные и почтово-благотворительные материалы эпохи Первой мировой войны, хранящиеся в фондовых коллекциях Музея истории города Йошкар-Олы. Как можно видеть, данные источники явно свидетельствуют о причастности царевококшайцев к общероссийской печатной и почтовой культуре периода 1914–1918 гг. Они представляют собой богатый материал для рассмотрения разных вопросов искусства, духовной жизни и общественного мнения первой четверти XX в. через призму разных научных направлений и дисциплин: истории, литературоведения, филологии, журналистики, культурологии, социальной антропологии.

Источники и литература:

1. Документальный фонд МБУК «Музей истории города Йошкар-Олы».
2. История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. Том I. История Марий Эл с древнейших времен до начала XX века / отв. ред. А.Г. Иванов – Йошкар-Ола, 2020. – 543 с.
3. История Йошкар-Олы / отв. ред. А.Г. Иванов, О.А. Кошкина, Е.П. Кузьмин. – Йошкар-Ола, 2024. – 592 с.
4. Кислицына, С.Л. Из истории общественных и личных библиотек Царевококшайска: [статья]: материалы II межрегиональной научно-практической конференции «Города Среднего Поволжья: история и современность» (к 430-летию города Йошкар-Олы), Йошкар-Ола, 22–23 мая 2014 г.] / С.Л. Кислицына // Музей истории города Йошкар-Олы: официальный сайт. – URL: <https://i-ola-museum.ru/clauses/issledovaniya/publikatsii-i-stati/iz-istorii-obschestvennykh-i-lichnykh-bibliotek-ts/> (дата обращения 8.10.2024).
5. Комелина, Л.Н. Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам Музея истории города Йошкар-Олы) / Л.Н. Комелина // «Запад-Восток». – 2014. – № 7. – С. 126–135.
6. Кучерук, И.В. Образы «Великой войны» в восприятии современников (по материалам российской печати за 1914 год) / И.В. Кучерук // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 11. – С. 117–121.
7. Лукиных, Н.А., Попова, Е.А. Уездный Царевококшайск в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Республики Марий Эл) / Н.А. Лукиных, Е.А. Попова // «Запад-Восток». – 2014. – № 7. – С. 92–102.
8. Марийский край в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Мемориальная книга. Том I. Царевококшайский уезд Казанской губернии / сост. А.Н. Кудрявцев, А.В. Соколов. – Йошкар-Ола, 2018. – 384 с.
9. Марийский край в военной шинели: хрестоматия-практикум / сост. Е.А. Попова, Г.В. Рокина. – Йошкар-Ола, 2023. – 222 с.
10. НВФ МБУК «Музей истории города Йошкар-Олы».
11. ОФ МБУК «Музей истории города Йошкар-Олы».
12. Почтово-благотворительные марки Первой мировой войны // Музей истории денег АО «Гознак»: официальный сайт. – URL: <https://museum.goznak.ru/content/news/1528/>.
13. Рокина, Г.В. Первая мировая война и Марийский край / Г.В. Рокина // Псковский военно-исторический вестник. – 2015. – № 1. – С. 149–154.
14. Рокина, Г.В. Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии / Г.В. Рокина // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2017. – Т. 3. – № 1 (9). – С. 12–21.
15. Стариков, С.В. Панорама старого города: Царевококшайск на старинных открытках и фотографиях / С.В. Стариков. – Йошкар-Ола, 2002. – 149 с.
16. Стариков, С.В. Царевококшайский альбом: эпоха, город и горожане на старинных открытках и фотографиях / С.В. Стариков. – Йошкар-Ола, 2008. – 304 с.
17. Стариков, С.В. Александр Котомкин (Савинский): жизнь, творчество, судьба / С.В. Стариков. – Йошкар-Ола, 2012. – 183 с.

Герой Отечества Николай Кокорин

*А.В. Сердюков, начальник отдела
проектной деятельности
ГБУ «Государственный архив
Республики Марий Эл»*

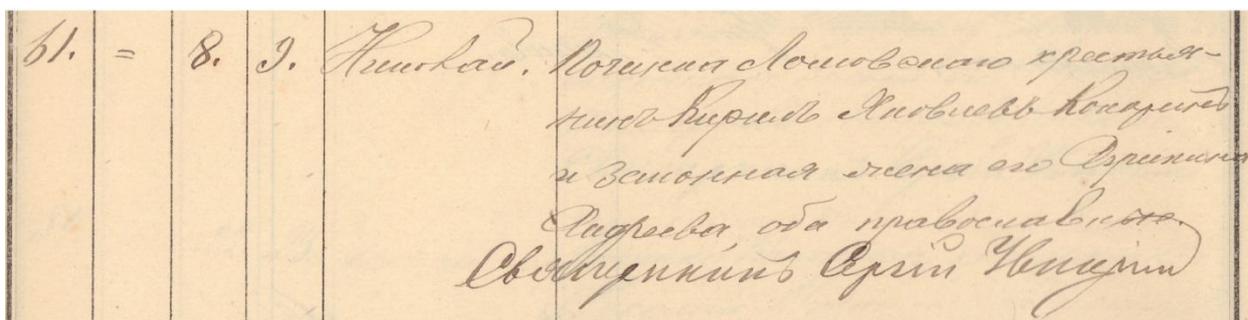
Аннотация. В статье рассказывается об уроженце Марийского края герое Первой мировой войны лётчике Николае Кирилловиче Кокорине и о сохранении памяти о нем.

Ключевые слова: Николай Кокорин, лётчик-ас, Первая мировая война, Георгиевский крест.

Одной из важнейших проблем современной России, а может и самой важной, несомненно, является проблема воспитания молодёжи. Одним из компонентов воспитательного процесса служит мощный позитивный пример, пример жизни героя, на которого хочется быть похожим, хочется быть таким, как он.

Достоинством примером для подрастающего поколения может и должна стать короткая, но яркая, полная борьбы и преодолений, достижений и непрерывного полёта, жизнь героя Отечества – Николая Кирилловича Кокорина.

Николай Кокорин – наш земляк, уроженец Марийского края. Родился он 8 мая (по старому стилю) 1889 г. в починке Ломовском Хлебниковской волости Уржумского уезда Вятской губернии (ныне Мари-Турекский район Республики Марий Эл) в крестьянской семье и был крещён 9 мая в Храме Рождества Пресвятой Богородицы села Хлебниково [1] (ил. 1). Отец, Кирилл Яковлевич, и мать, Агриппина Матвеевна, сочетались законным браком в этом же храме в 1875 г. оба в возрасте 18 лет [2]. Николай был седьмым родившимся у них ребёнком (ил. 2). Всего же эта супружеская чета явила на свет 11 детей [3]. Семья Кокориных была крепкой трудолюбивой крестьянской семьёй. Отец был кузнецом, что требует высокого мастерства и профессиональных навыков.

Ил. 1. Запись в метрической книге Рождество-Богородицкой церкви с. Хлебниково Уржумского уезда Вятской губернии о рождении Николая Кокорина. 8 мая 1889 г. ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 352. Л. 21 об.

Ил. 2. Кирилл Яковлевич и Агриппина Матвеевна Кокорины с сыном Николаем. 1890-е гг. Марийский архивный ежегодник. – 2022. – С. 170.

А ещё Кирилл Яковлевич изготавливал кирпичи из местной глины, обжигая их в своей кузнице. С малых лет Николай Кокорин помогал отцу в кузнице, где, по-видимому, и приобрёл первые настоящие трудовые технические знания. «Когда он подрос», – вспоминала сестра Николая, Пелагея Кирилловна, – «каждое лето трудился молотобойцем в кузнице отца, а также за лето он забивал полные сараи кирпичом – заготавливал для постройки дома. Отец нас не баловал, с раннего детства нагружал полностью» [4].

Закончив церковно-приходскую школу и поработав в отцовской кузнице, 17-ти летний Николай поехал к брату, несколько лет назад перебравшемуся в Забайкальский край, о чём свидетельствуют фотографии из Сретинска и Читы. По данным историков Р.А. Бушкова и В.Г. Вострикова он работал на станции «Ерофей Павлович» Транссибирской железнодорожной магистрали [5].

В декабре 1910 г. его призвали в армию. С 23 декабря 1910 г. Николай Кокорин поступил на воинскую службу рядовым в Вислинскую речную минную роту.

В 1910 г. в Санкт-Петербурге была основана Офицерская школа авиации Отдела воздушного флота, в которую набирали самых одарённых и самых технически грамотных солдат и офицеров. Не по воле случая, а именно полностью соответствуя этим качествам 4 ноября 1911 г. в эту школу на курсы мотористов был направлен рядовой Кокорин. Но Николай Кириллович уже мечтал о карьере военного лётчика. Не только мечтал, но упорно к ней стремился. После настойчивых рапортов командованию он в качестве пилота-стажёра был определён на службу в 5-й Сибирский корпусной авиационный отряд, откуда был вскоре отправлен в Севастопольскую лётную школу [6].

В 1913 г. Николай Кокорин совершил перелёт Киев – Москва и одним из первых авиаторов повторил знаменитую «петлю Нестерова», закрепив за собой репутацию мастера высшего пилотажа [5].

1 августа 1914 г. Германия объявила войну России. Началась Первая мировая война. 2 октября 1914 г., сдав пилотский экзамен, Кокорин получил звание лётчика и диплом пилота-авиатора. Он отправляется в действующую армию и в декабре 1914 г. продолжает свою военную службу в 4-м корпусном авиаотряде.

На первом этапе войны основной задачей военной авиации была разведка. К этому времени Николай Кириллович дослужился до старшего унтер-офицера. В течение первого полугодия 1915 г. Кокорин многократно выполнял рискованные разведывательные полёты над позициями противника. 17 апреля 1915 г. за отличие в военной разведке Николай Кириллович получил свою первую боевую награду – Георгиевский крест 4-й степени. Именно с ним он и запечатлён на самой известной своей фотографии (ил. 3).

Ил. 3. Н.К. Кокорин, награждённый Георгиевским крестом 4-й степени. 1915 г.
Музей техники Вадима Задорожного.

С течением боевых действий в небе и усовершенствованием конструкции и вооружения самолётов возникла необходимость создания истребительной авиации. Для неё требовались кадры – высокопрофессиональные, храбрые и дерзкие, обладающие искусством высшего пилотажа лётчики. Не удивительно, что 28 июня 1915 г. Николай Кокорин был направлен в Школу авиации Императорского Московского общества воздухоплавания для обучения истребительному делу на новых самолётах. Здесь он успешно прошёл подготовку на новых быстроходных аппаратах типа «Моран» и «Ньюпор».

С августа 1915 г. Кокорин вновь на фронте, а с августа 1916 г. его отряд вошёл в Первую боевую авиагруппу Юго-Западного фронта. Николай становится высококлассным лётчиком-истребителем и 25 августа 1916 г. за боевые отличия получает офицерский чин прапорщика. Простой крестьянский парень из российской глубинки стал офицером истребительной авиации – представителем суперэлиты Русской Императорской армии. «Социальные лифты» в Российской империи работали неплохо. В связи с этим Кокорин становится первым лётчиком русской военной авиации, выдвинувшимся из рядовых в офицеры.

Первая боевая авиагруппа, в которую входил 4-й корпусной авиационный отряд, самым активным образом участвовала в боевых действиях Юго-Западного фронта, в знаменитом Луцком (Брусиловском) прорыве. Командовал ей легендарный лётчик-ас, лучший русский истребитель Первой мировой, штабс-ротмистр Александр Александрович Казаков. Асом в авиации считался лётчик, сбивший 5 и более вражеских самолётов. Стал асом и наш герой – прапорщик Николай Кокорин. Воевал он храбро и умело, с современной авиатехникой всегда был «на ты».

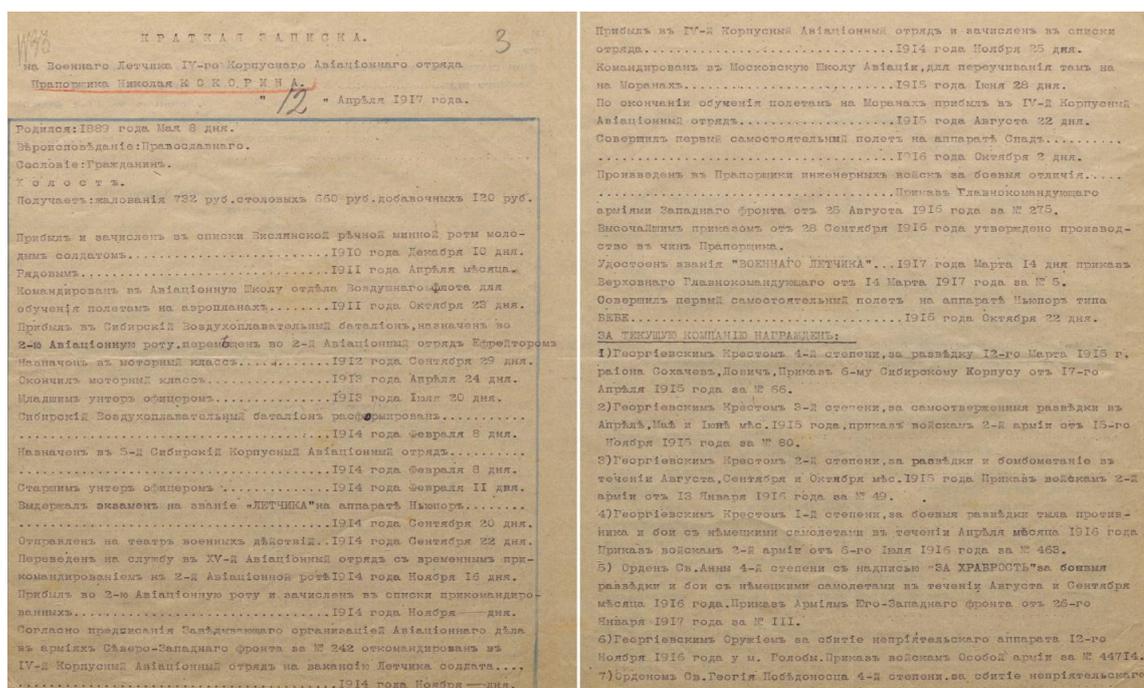
В его списке 5 подтверждённых побед и 8 вероятных [7]. Подтверждённой в то время считалась победа, когда сбитый вражеский самолёт упал на занятую нашими войсками территорию и это могли подтвердить сослуживцы (ил. 4).

Ил. 4. Н.К. Кокорин (в центре) с сослуживцами у сбитого им вражеского самолета. 1917 г. Музей техники Вадима Задорожного. НВФ 001-108.

Дважды Кокорину удалось принудить к посадке на нашей территории вражеские самолёты, экипажи которых были взяты в плен.

О боевом мастерстве и храбрости Кокорина говорят его награды: солдатские Георгиевские кресты всех 4-х степеней, орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», орден Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, орден Святого Георгия 4-й степени, Золотое Георгиевское оружие [8] (ил. 5).

Ил. 5. Из Краткой записки о службе Н.К. Кокорина. 12 апреля 1917 г.
 РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 1460. Л. 3–4.

Так писал о своём подчинённом, летчике Николае Кокорине, командир Первой боевой авиагруппы Александр Казаков: «Отличный, неустрашимый лётчик-истребитель, летает на всех системах самолётов. Исполнитель, прекрасный офицер. Дело любит и знает» [9].

Свой последний бой Николай Кокорин провёл 16 мая 1917 г. Он попал в воздушную засаду и вступил в бой с пятью вражескими самолётами. В ходе боя получил смертельное сквозное ранение в грудь, после чего потерял управление самолётом, который перешел в штопор и упал возле местечка Подгайцы (Карпаты, Австро-Венгрия). Всего за несколько дней до гибели Николай отпраздновал свой 28-й день рождения.

В специальной телеграмме командующего авиацией Русской армии В.М. Ткачёва по поводу этого события говорилось: «С грустью узнал о незаменяемой потере для всей русской авиации – героической гибели в честном неравном бою прапорщика Кокорина – грозы немцев». Командир Первой боевой авиагруппы Александр Казаков назвал смерть своего подчинённого героической и обратился к соратникам с призывом: «Погибший лётчик, прапорщик Кокорин, оставил свою крестьянскую семью в крайне тяжёлом материальном положении. При жизни прапорщик Кокорин помогал своим родителям, давая возможность сестре учиться на курсах. Беру на себя смелость предложить офицерам отрядов оказать денежную помощь семье погибшего героя». Его призыв не остался без отклика. Русские офицеры не бросали в беде ни своих товарищей, ни их близких [8].

Командованием было принято решение похоронить геройского лётчика на его родине. Гроб с телом героя доставили в село Хлебниково и погребли на церковном кладбище. Похороны прошли с воинскими почестями, а на могиле был установлен конусовидный памятник, на котором был закреплён

винт от самолёта, на котором погиб Кокорин. В нишу памятника были вложены его авиашлем и лётные очки.

Сдержанный, скромный и лишённый какой-либо бравады, он был одним из тех скромных героев, на которых держалась Русская Императорская армия, и которые скорее были готовы умереть, нежели хоть в малейшей степени изменить тому, что они считали своим долгом.

Посмертно 22 июля 1917 г. Николаю Кирилловичу Кокорину было присвоено звание подпоручика. Его имя по праву вошло в почётный список из 19 лучших русских лётчиков-асов Первой мировой войны [10].

В советское время церковное кладбище было уничтожено, церковь села Хлебниково была закрыта 21 апреля 1939 г., её верхние объёмы: купол и колокольня были разрушены, в здании в дальнейшем располагались МТС, кузница, Дом культуры [11]. Родители Николая Кирилловича были раскулачены и отправлены на спецпоселение. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Но память о герое не исчезла. В 1999 г. усилиями местных жителей и патриотических активистов могила Николая Кокорина была восстановлена.

Вопросом восстановления могилы героя занимался уроженец Мари-Турекского района председатель республиканского Совета ветеранов, в прошлом военный авиамеханик А.В. Заболотских. По фотографиям и со слов старожилов удалось определить место захоронения. Военно-мемориальная компания изготовила и установила на могиле гранитный памятник (ил. 6).

Ил. 6. Могила Н.К. Кокорина, расположенная на территории церкви Рождества Пресвятой Богородицы с. Хлебниково Мари-Турекского района Республики Марий Эл. Фото 2021 г. Марийский архивный ежегодник. – 2022. – С. 174.

В 2007 г. здание храма возвратили верующим, с апреля 2007 г. в нем начались богослужения. Храм Рождества Пресвятой Богородицы является архитектурным памятником в соответствии с решением Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл.

С 2013 г. и по настоящее время идёт восстановление храма: оборудована и действует большая трапезная, капитально отремонтирован придел Георгия Победоносца, работает церковная лавка, приобретены колокола и строится заново колокольня [11].

Не забыли прославленного лётчика историки и общественные активисты Республики Марий Эл, которые занимаются благим делом популяризации героической жизни Кокорина и пытаются найти пути достойного увековечения его светлой памяти. В 2021 г. его имя было одним из пяти имён, участвовавших в конкурсе по присвоению имени аэропорту города Йошкар-Олы.

Нашлись и родственники Николая Кирилловича. Сергей Иванович Кокорин, проживающий в деревне Лом, бережно хранит фотографии своего героического родственника и вырезки из газет со статьями о нём. В Йошкар-Оле проживает Елена Ивановна Штепенко (в девичестве Кокорина), в далёкой солнечной Греции живёт её дочь Ирина Папаиоанну. Свою младшую дочь, родившуюся, как и Николай Кириллович, 8 мая, Ирина назвала в честь него – Ника. Сейчас Нике 6 лет, и, по словам матери, она уже очень интересуется самолётами. Ничего не поделаешь – кипит кровь предков. В Перми живёт семья Сергея Юрьевича Кокорина, который тоже откликнулся на информацию соцсетей. По некоторым данным две семьи Кокориных, выходцев из родных мест героя, проживают в Йошкар-Оле.

В заключение хочется сказать слова благодарности историку и журналисту Михаилу Тихоновичу Сергееву, положившему начало работе по увековечению и популяризации имени Николая Кокорина. Первая его статья о Кокорине вышла в газете «Марийская правда» 16 октября 1960 г. под названием «Один из первых лётчиков России». Вот что он пишет в письме А.С. Крупнякову 24 апреля 1961 г.: «В прошлом году откопал ещё одну историческую личность. Речь идёт об одном из первых русских асов, который до 1917 года на своём счету имел несколько сбитых самолётов врага. Это Кокорин Николай Кириллович, уроженец нашего Марийского края» [13]. Несколько его статей о Кокорине были опубликованы в республиканских и районных газетах. Печальное совпадение – то, чего Михаил Тихонович добивался долгие годы – восстановление могилы Кокорина, произошло в 1999 г., в год, когда он ушёл из жизни. Низкий поклон за бесценный труд Михаилу Тихоновичу Сергееву.

Продолжили дело изучения и популяризации биографии Кокорина историки-краеведы Руслан Аркадьевич Бушков и Александр Владимирович Соколов.

Интерес к истории героического земляка проявила руководитель группы тематического вещания ГТРК Марий Эл Алёна Юрьевна Мекчилова. В результате в июне 2022 г. начались съёмки документального фильма о жизни и подвигах бесстрашного лётчика Николая Кирилловича Кокорина. Съёмочная группа побывала в его родных местах: в деревне Лом, селе Хлебниково и районном центре – посёлке Мари-Турек. Также богатый материал для фильма был снят в Москве. Историк русской авиации,

заместитель директора по научно-исследовательской работе Музея техники Вадима Задорожного Марат Хайрулин рассказал о развитии Русской авиации в период Первой мировой войны и показал элементы снаряжения лётчиков. Заместитель директора Российского государственного военно-исторического архива, историк и автор книги «Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов» Михаил Нешкин представил уникальные документы о ратной службе Николая Кокорина.

Отдельные слова благодарности за предоставленный материал и сохранение памяти о нашем герое хочется сказать сотрудникам Краеведческого музея имени В.П. Мосолова посёлка Мари-Турек и Сергею Ивановичу Кокорину из деревни Лом Мари-Турекского района.

Жизнь Николая Кирилловича Кокорина должна служить примером для нашей молодёжи – примером жертвенного служения своей Родине, мужества и героизма, верности своему делу и долгу, примером высоких достижений в трудах на благо Отечества.

Источники и литература:

1. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. 305. Оп. 1. Д. 352. Л. 21 об. – 22.
2. ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 395. Л. 44 об. – 45.
3. ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 350. Л. 34 об. – 35, 608 об. – 609, 738 об. – 739; Д. 352. Л. 21 об. – 22, 322 об. – 323; Д. 353. Л. 53 об. – 54, 307 об. – 308; Д. 354. Л. 134 об. – 135; Д. 397. Л. 180 об. – 181; Д. 399. Л. 557 об. – 558.
4. Сергеев, М.Т. Ас русской авиации / М.Т. Сергеев // Молодой коммунист. – 1990. – 21 ноября. – С. 6.
5. Бушков, Р.А. Неустрашимый пилот / Р.А. Бушков // Рассвет земли Онара: историко-краеведческие очерки / Р.А. Бушков; под ред. А.А. Бурханова и В.С. Соловьёва. – Казань, 2017. – С. 251–257; Востриков, В.Г. Кокорин Николай Кириллович / В.Г. Востриков // История Марийского края в лицах. XIV – начало XX веков. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 381–385.
6. Краеведческий музей им. В.П. Мосолова. НВФ. 222/5.
7. Бахтин, А.Г., Соколов, А.В. Военная история марийского народа / А.Г. Бахтин, А.В. Соколов. – Йошкар-Ола, 2021. – 239 с.
8. Кокорин Николай Кириллович // Марийская история в лицах: интернет-портал. – URL: <http://marihistory.ru/2011-01-01-19-55-37-115/1-/3739-kokorin-nikolaj-kirillovich.html>.
9. НВФ-222/5.
10. Нешкин, М.С., Шабанов, В.М. Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: биографический справочник. – М., 2006. – 360 с.
11. Хлебниково. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы // Народный каталог православной архитектуры. – URL: <https://sobory.ru/article/?object=26297>.
12. ГА РМЭ. Ф. Р-1240. Оп. 3. Д. 1290. Л. 134–135, 145.
13. ГА РМЭ. Ф. Р-982. Оп. 1. Д. 1. Л. 304.

Забытые солдаты забытой войны

*А.В. Соколов, заведующий
археологическим музеем
Учебно-научного археологическо-
этнологического центра ФГБОУ ВО
«Марийский государственный
университет»*

Аннотация. Ежегодно в ноябре мировое сообщество отмечает скорбную дату – окончание Первой Мировой войны, одной из самых длительных и кровопролитных в мировой истории. В ней участвовали все крупнейшие державы, в том числе и Россия, кровью своих военных, трудом и потом своего народа заплатившая за Победу союзников. Тем не менее, у нас в стране события того трагического и крупномасштабного конфликта не находят должного освещения, фактически, они стёрты из человеческой памяти. Почему так случилось, почему забыты героизм и мужество русских солдат и офицеров, преданы забвению их подвиги, разорены могилы, пытается ответить данная статья.

Ключевые слова: Первая мировая война, Книга Памяти, Тихвинское городское кладбище, архивные документы, восстановление памяти.

В ноябре нынешнего, 2024 г., мир будет отмечать скорбную и трагическую дату – 106-ю годовщину окончания Первой мировой войны. Эта война (28 июля 1914 г. – 11 ноября 1918 г.) – один из самых длительных, кровопролитных и значительных по последствиям вооружённых конфликтов в истории человечества, в которой участвовали практически все крупные мировые державы, в том числе и Россия. Но, к сожалению, это – одна из малоизученных страниц российской истории.

Что мы знаем о Первой мировой войне? Сотни томов, изданных в советское время, изображают нам её с узкой классово-политической позицией.

Названий у этой войны несколько: до 1917 г. в Российской империи её называли «Великой войной», «Большой войной», «Великой Отечественной», «Второй Отечественной», а при СССР укоренилось название «Империалистическая». В советской исторической литературе война считалась «реакционной», тема войны почти не исследовалась, упоминались, в основном, антивоенные демонстрации, дезертирства, нежелание рабочих воевать в интересах царя, помещиков и капиталистов. Сегодня в России добавилось ещё одно название этой войны – «Забятая война».

Да, есть много противоречивых мнений относительно Первой мировой войны, и ещё немало тех, кто придерживается «большевистских» взглядов на неё, но то, что эта война была всенародной и отечественной – это непреложный факт. Ещё в годы учебы в университете я задавал себе вопрос: «Хорошо, война была империалистическая, чуждая народу! А чем тогда наши солдаты «виноваты»?! Ведь они выполняли свой воинский и

общечеловеческий долг! Почему мы не вспоминаем их, проливавших свою кровь за Родину, или как говорили тогда – «За Царя и Отечество»?!

Для миллионов наших соотечественников она была высшим проявлением патриотизма, объединением для всеобщей победы над врагом, посягающим на целостность империи. Кроме того, Россия взяла на себя самое тяжёлое бремя – спасти своих союзников по военно-политическому блоку Антанте. Наша армия четыре года ценой героических усилий сдерживала огромный фронт, отвлекая на себя многочисленные ударные силы центральных держав: Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии.

Но ... к сожалению, на завершающем этапе войны Россию ждала незавидная судьба – разделить лавры победы в войне ей так и не удалось, так как в стране вспыхнула Гражданская война, победу в которой одержали большевики.

К великому сожалению, люди, содействовавшие развалу Русской армии и поражению России в «империалистической» войне, придя к власти, постарались сделать всё, чтобы стереть из памяти народа события той войны, память о родных и близких людях, принимавших в ней участие. Даже кладбища, где похоронены погибшие воины, у нас в стране УНИЧТОЖЕНЫ! Официально сегодня их практически нет! (Единственное в Российской Федерации – Мемориальный комплекс героям Первой мировой войны, воздвигнутый в московском районе «Сокол» в период с 1998 по 2004 г.). А только в Царевококшайском уезде Казанской губернии их планировалось открыть четыре (в г. Царевококшайске, Моркинской и Сотнурской волостях – православные, в Куллекиминской волости – мусульманское)! В самом Царевококшайске воинские захоронения должны были разместиться вокруг Тихвинской церкви. А что у нас там сегодня?! Главный парк города с аттракционами, каруселями и прочими увеселениями, пиццерия «Милано», различные конторы, офисы, элитный жилой дом ... Комментировать здесь, по-моему, нечего ...

Кроме того, 41-е чрезвычайное Царевококшайское уездное земское собрание 30 ноября 1914 г. решило увековечить память погибших на войне земляков установкой памятных табличек на стенах приходских храмов на родине героев! Но и где эти таблички сегодня?! Их нет!

А ведь наши российские солдаты, несмотря на удалённость Марийского края от линии фронта, нашли здесь, на Тихвинском городском кладбище, место своего вечного успокоения. На сегодня известны имена восемнадцати человек (но их, конечно, гораздо больше). Все они умерли во время войны от ран и болезней. Вот некоторые из них: 16 января 1917 г. – служивший в 151-м пехотном Пятигорском полку рядовой из Царевококшайска Александр Васильев Ратманов 38 лет – «от чахотки» [1], ратник 96-го пехотного полка Григорий Муканаев 36 лет – «от острого желудочно-кишечного катара» [2] и ратник 129-го пехотного Бессарабского полка Емельян Григорьев Масленников 36 лет – «от чахотки» [3]; 15 апреля 1917 г. – унтер-офицер 164-го пехотного Закатальского полка из крестьян

деревни Пахомовой Петриковской волости Диомид Давидов Кашков 35 лет – «от геморрагического нефрита» [4]; 4 июня 1917 г. – рядовой 31-го стрелкового Сибирского полка 14 роты Михаил Петров Садлов 25 лет – «от рожи» – [5]; 16 сентября – служивший в 143-м Дорогобужском полку, 12 роте рядовой из крестьян деревни Вараксиной Василий Иванов Дружинин, 22 года – «от чахотки» [6].

Самое удивительное, что когда в середине 1930-х гг. кладбище было ликвидировано, снесли надгробия не только таких солдат, но даже красноармейцев! В 2012 г. археологами при вскрытии их погребений были найдены останки с краснозвёздными пуговицами образца 1924–1928 гг. [7]! Это, к слову, о нашем «патриотическом воспитании в целом»!

Чего уж тут говорить о солдатах иностранных армий, ставших военнопленными и волею судьбы оказавшихся в Царевококшайске – Йошкар-Оле. Военнопленные немецкой и австрийской армий привозились в Казань и оттуда пешим этапом следовали сначала в Царевококшайск, а оттуда – в Яранск. Некоторые пленные, как следует из документов, оставались в Царевококшайске, другие следовали дальше, в самую российскую глушь. Не удивительным было и то, что до Яранска доходили не все. Умирали по дороге от холода и болезней, и теоретически могли быть похороненными прямо у дороги [8]. Мне удалось найти в архиве республики информацию о четверых австрийцах, умерших в городской больнице (Генрих Бриер [9], Юзеф Выпик [10], Юзеф Имбре [11] и Каспер Хайден [12]). На сегодняшний день от них остались только записи в метрических книгах. Хотя сразу по приходу к власти большевики были озабочены состоянием таких могил. 22 октября 1918 г. Царевококшайская уездная коллегия о пленных и беженцах обращалась в Совет Царевококшайского городского хозяйства: «Приволжская областная коллегия о пленных и беженцах телеграммой от 19 сего октября за 2411 предписывает принять меры от разрушения могил австрийских и германских военнопленных. На местном городском кладбище в Царевококшайске находится 52 могилы подданных указанных держав. Царевококшайской уездной коллегией осмотрены эти могилы и найдено, что они находятся в беспорядке: изгороди, где похоронены пленные, разрушены и по могилам ходит скот. Исходя из указанного, Царевококшайская уездная коллегия о пленных и беженцах просит Совет городского хозяйства принять меры для восстановления изгороди на городском кладбище, чтобы тем самым сохранить могилы невольных жертв войны» [13].

Сколько было их на самом деле, не знает никто. По свидетельству старожилы города и краеведа Л.П. Полубарьевой на городском кладбище в 1920-е гг. ещё сохранялись могилы с иностранными фамилиями на крестах [14]. Но в начале 1930-х гг. всё было уничтожено!

С другой стороны, имеются и положительные примеры в отношении солдатских могил. Например, на кладбище в г. Яранске, что в соседней

Кировской области, умершим в плену венграм даже установлен современный памятник.

Сохранились захоронения участников «забытой войны» и на других городских кладбищах в Йошкар-Оле, Козьмодемьянске, большинстве сельских погостов в районах республики, но, как правило, они не находят должного внимания со стороны общественности и властей.

Ещё один важный момент в сфере воспитания патриотизма у молодёжи – разговор о преемственности поколений защитников Родины: скажем, участников СВО и героев борьбы с фашизмом. И это замечательно! Но, ведь, только этим военная история нашей страны не ограничивается. Есть и другие связующие нити, о которых не говорят. Например, о том, что отцы многих Героев Советского Союза участвовали в Первой мировой войне. Вот, Герой Советского Союза Алексей Фёдорович Гвоздев, уроженец д. Малые Коршуны Косолаповской волости (ныне Мари-Турекского района Республики Марий Эл). В Википедии [15] написано: «... Его отец, Фёдор Алексеевич – участник Гражданской войны, пользовавшийся большим авторитетом среди односельчан, был одним из организаторов колхоза «Новая жизнь» в родной деревне ...». А о том, что он был ещё и участником Первой мировой войны – солдатом 22-го Финляндского стрелкового полка, ни слова [16].

Знаменитый сернурец из д. Лапка-Памаш, Андрей Михайлович Яналов, удостоенный звания Героя за штурм Кёнигсберга, вероятно, унаследовал свой характер, смелость и силу духа от отца – Михаила Матвеевича, рядового 209-го пехотного Богородского полка, также воевавшего в молодости с немцами [17].

Другой герой Мари-Турекской земли, Иван Иванович Меркушев, из поч. Верхняя Сенда Биляморской волости. Меркушев-старший, Иван Прокопьевич, был старшим унтер-офицером 333-го пехотного Глазовского полка [18]. Наличие у солдата такого звания подразумевает получение им и боевых наград. Только сегодня об этом ничего неизвестно. Может это и хорошо, ибо за них при Советской власти, которая замалчивала всё позитивное: высокий патриотизм народа, героизм и мужество солдат и офицеров на поле боя, отмеченных государственными наградами, можно было получить наказание!

Например, Иван Григорьевич Андреев, уроженец деревни Мари-Китня нынешнего Мари-Турекского района, был лишен избирательных прав только за то, что он – Георгиевский кавалер!!! В годы Первой мировой войны за воинскую доблесть Андреев был награждён двумя Георгиевскими крестами и несколькими медалями [19]!

В итоге, как говорится, мы имеем то, что имеем. Солдаты-герои оболганы и забыты, потомки ничего не знают об их подвигах, а чудом сохранившиеся в семьях старые фото с этой войны ничего «не говорят» современным поколениям. Молодые люди зачастую даже не знают, кто на этих фото изображён! Я, например, ещё в свои студенческие годы (1980-е гг.)

впервые узнал, что старшие братья моего деда – Кондратий, Василий, Фёдор и Владимир Калмыковы – участвовали в Первой мировой войне. И уже тогда у меня родилась идея создать своеобразную Книгу Памяти нашим землякам – участникам той Великой войны.

Первоначально я черпал сведения из всевозможной краеведческой литературы: книг, газет и журналов, где были хоть какие-то упоминания о солдатах Первой мировой ... А также из рассказов тех, кто что-то знал о военном прошлом своих отцов и дедов. Затем я обратил свой взор на документы, хранящиеся в архивах. Оказалось, что таких документов, хранящих информацию о Первой мировой войне, в Государственном архиве Республики Марий Эл много, только они разбросаны по различным фондам. Где их только нет: в фондах народного образования и здравоохранения, в фондах райкомов и райисполкомов, даже в фондах, касающихся сельского хозяйства, они есть! Не говоря уже о документах военных: в фондах уездных воинских начальников, по воинской повинности присутствий, в документах волостных и уездных военкоматов уже при Советской власти.

Возьмём для примера фонд Р-362 «Новоторъяльский волостной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Сернурского кантона Марийской автономной области» Оп. 1 (1917–1924 гг.). Насчитал в нём более десятка дел, в которых можно найти информацию о солдатах Первой мировой войны, и такой список можно продолжить ...

Пока удалось изучить лишь небольшую часть этих документов, но этого оказалось достаточным, чтобы выпустить две Книги Памяти по Царевококшайскому и Козьмодемьянскому уездам, а число участников войны – наших земляков приблизилось к 30 тысячам человек! Готовили эти книги я, Александр Владимирович Соколов, заведующий археологическим музеем Учебно-научного археолого-этнологического центра Марийского государственного университета, и Алексей Кудрявцев, научный сотрудник МарНИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, и считаем, что количество наших земляков, участвовавших в войне, значительно увеличится! Впереди Книга Памяти Уржумского уезда, которую А.Н. Кудрявцев уже подготовил. В этих книгах – имена и фамилии наших земляков, сражавшихся за Родину! Среди них и рядовые солдаты войны, и настоящие герои, удостоенные высоких наград, в том числе, полные Георгиевские кавалеры! Но для нас они все равны: это СОЛДАТЫ РОССИИ! И страна должна ЗНАТЬ и ПОМНИТЬ о них!

К сожалению, наше государство лишь сейчас пытается что-то сделать в этом направлении. Первые попытки что-то изменить в этом вопросе произошли лишь с началом распада Союза. К 90-летию Первой мировой войны на месте Всехсвятского братского кладбища в Москве был торжественно открыт мемориально-парковый комплекс с памятным знаком в виде стилизованного надгробия и часовни. На мемориальной доске, укрепленной на гранитной глыбе, можно прочесть: «Памятник истории и культуры. Московское городское братское кладбище для воинов, умерших в

войну 1914 года, и для сестёр милосердия московских общин. Открыто 15 февраля 1915 года. Охраняется государством».

В декабре 2012 г. Президент России Владимир Путин утвердил поправку в Федеральный закон России «О днях воинской славы и памятных датах России», вступившую в силу с 1 января 2013 г., согласно которой 1 августа объявляется Днём памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг.

Тем не менее, несмотря на усилия государства в лице его отдельных представителей и общественности в деле изучения, сохранения и популяризации подвигов российских солдат, славных событий эпохи Первой мировой войны, проблема её забвения сохраняется.

Потому что НАШЕ ОБЩЕСТВО НЕ ГОТОВО К ПЕРЕОЦЕНКЕ СОБЫТИЙ ТОЙ ВОЙНЫ ... Оно во многом продолжает жить и мыслить прежними, советскими категориями, что бы ни провозглашалось с «высоких трибун», дело не меняется. Иначе бы не строили жилые дома на могилах!

И здесь должна сказать своё веское слово общественность в российских регионах. Ведь именно силами энтузиастов – профессиональных историков и людей, которые неравнодушны к истории Отечества, в стране медленно, но верно идёт восстановление утраченной памяти. Восстанавливаются забытые имена героев, готовятся к выпуску Книги Памяти! В числе тех городов, где эта работа идёт наиболее активно – Рязань, Нижний Новгород, Вологда ... Хочется надеяться, что и наш город Йошкар-Ола не будет последним в этом списке, хочется верить, что и у нас появится памятник в честь героев Первой мировой войны – наших земляков!

Источники и литература:

1. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. 305. Оп. 4. Д. 11. Л. 356 об. – 357 об.
2. ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 11. Л. 207 об. – 208.
3. ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 11. Л. 208 об. – 209.
4. ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 11. Л. 215 об. – 216.
5. ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 11. Л. 219 об. – 220.
6. ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 11. Л. 321 об. – 322 об.
7. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические раскопки Тихвинского некрополя на территории ОАН». г. Йошкар-Ола. Т. 2. Погр. 250.
8. Военнопленные Первой мировой этапировались из Казани в Яранск, но доходили не все ... // Родная Вятка: краеведческий портал. – URL: <https://rodnaaya-vyatka.ru/blog/3779/109354?ysclid=ltab3zs4l3663798847>
9. ГА РМЭ. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 9. Л. 8–9, 11.
10. ГА РМЭ. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 9. Л. 50.
11. ГА РМЭ. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 9. Л. 51.
12. ГА РМЭ. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 9. Л. 56.
13. ГА РМЭ. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–1 об.

14. Кириллов, Г.И. Иностранцы в Царевококшайске (Интернированные иностранные подданные на Марийской земле в 1914–1918 годах) / Г.И. Кириллов // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. – 1994. – № 1. – С. 50.

15. Гвоздев Алексей Фёдорович // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%B2,%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9_%D0%A4%D1%91%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

16. Гвоздев Фёдор Алексеевич // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital654393/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DГВОЗДЕВ%26first_name%3ДФедор%26middle_name%3ДАлексеевич%26groups%3Dawd%3Aprt%3Afrс%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Afrс_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1

17. Яналов Михаил Матвеевич // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital1351516/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DЯналов%26first_name%3DMихаил%26groups%3Dawd%3Aprt%3Afrс%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Afrс_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1

18. Меркушев Иван Прокопьевич // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital22171820/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DMеркушев%26first_name%3DIван%26middle_name%3DПрокопьевич%26groups%3Dawd%3Aprt%3Afrс%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Afrс_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1

19. Андреев Иван Григорьевич // Марийская история в лицах: интернет-портал. – URL: <http://marihistory.ru/2011-01-01-19-55-37-115/1-/18026-andreev-ivan-grigorevich.html>

Козьмодемьянск – один из центров размещения беженцев и военнопленных времён Первой мировой войны

*М.Н. Лазуркина, методист
по музейно-образовательной
деятельности МУ «Козьмодемьянский
культурно-исторический музейный комплекс»*

Аннотация. Статья посвящается пребыванию в г. Козьмодемьянске беженцев и военнопленных в годы Первой мировой войны. Важная роль в статье отводится строительству голландского домика австрийскими офицерами в 1916 г. Так же показана роль руководства и жителей города в размещении беженцев, в обеспечении их медицинским обслуживанием, выплате пособий и организации рабочих мест.

Ключевые слова: Козьмодемьянск, Царевококшайск, Первая мировая война, австрийские военнопленные, беженцы, интернированные, Ольгинский приют, Австрийский дом.

Первая мировая война – это первый конфликт в истории, в котором феномен военного плена проявил себя столь массово. Массовая сдача в плен была связана с тем, что Первая мировая представляла собой совершенно новый тип войны. Появились новые виды оружия: ядовитые газы, танки, огнемёты, пулемёты и т.д. Линии фронтов достигли небывалой протяжённости. В такой ситуации наступление или отступление шло фронтально по огромной территории. По примерным оценкам, из 60 млн воюющих 8 млн солдат и офицеров оказались в плену. Разумеется, ни одна из стран не была готова содержать такое количество безоружных врагов. При этом все страны, участвовавшие в Первой мировой войне, обязались соблюдать статьи Гаагской конвенции о военнопленных. Около 3 млн солдат и офицеров противника были захвачены в плен Русской армией. Для сравнения германцы пленили 2,5 млн человек.

Размещение военнопленных на территории России не было равномерным. В основном они были сконцентрированы в Восточных районах (Сибирь, Урал, Туркестан) и земледельческих областях европейской части страны. При этом российские власти пытались учитывать национальный принцип: немцы, венгры, австрийцы направлялись в районы Восточной Сибири и Туркестан, представители славянских национальностей расселялись в основном в Западной Сибири и европейской части России. Следует, однако, отметить, что, несмотря на принцип раздельного размещения, лагерей только со славянским или только с немецким составом военнопленных в России создано не было [1].

В годы войны уездные города Казанской губернии, Царевококшайск и Козьмодемьянск, стали центрами размещения беженцев, интернированных и военнопленных, откуда часть беженцев распределялась по местным

волостям. Военнопленные же оставались расквартированными в уездных центрах.

Город Козьмодемьянск Казанской губернии, расположенный на правом берегу реки Волги, накануне войны был не только уездным, но и торговым центром. Население города на 1912 г. составляло 5515 человек, что почти в два раза превышало население города Царевококшайска (ныне Йошкар-Олы).

В г. Козьмодемьянске ежегодно в течение двух месяцев проводилась знаменитая на всю Россию лесная ярмарка, по своим оборотам уступавшая лишь Архангельской лесной ярмарке. В городе было много домов богатых купцов и чиновников, что в дальнейшем стало поводом для содержания в местном плену офицеров из высшего командования австро-венгерской армии – одного генерала, а также офицера Генерального штаба. В г. Царевококшайске найти подходящие дома для содержания арестованных иностранных офицеров было непросто.

Атмосфера в городе, как и в других российских уездных центрах, соответствовала военному времени. В самом начале войны в докладе Козьмодемьянской уездной земской управы земскому собранию сообщалось: «Открытие военных действий ... вызвало чувство глубокого негодования к дерзкому и надменному врагу. Это заставило население слиться воедино и принять твёрдое и искреннее желание всеми силами и средствами содействовать сохранению чести и достоинства России» [2].

Уже к концу 1914 г. в городе появляются раненые, военнопленные и беженцы. К 1 января 1917 г. беженцев насчитывалось 307 мужчин и 409 женщин, а к 1 августа – 357 мужчин и 456 женщин [4]. В годы войны работе с иностранцами, особенно с поданными государств, с которыми Россия воевала, а также с военнопленными, большое значение придавалось в местных отделениях губернской жандармерии. Во время войны были изданы циркуляры Министерства внутренних дел и постановления Сената, ограничившие передвижение и права подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших в России. С конца июля 1914 г. мужчины – подданные Германии и Австро-Венгрии – считались военнопленными, которых необходимо было арестовывать и отсылать в определённые места.

В Козьмодемьянске был создан Беженский комитет, во главе которого встал А.П. Садовский, проживающий в д. Красногорки. Кроме него помощь беженцам оказывал Козьмодемьянский уездный комитет во главе с С. Шумовым. Для беженцев в женской гимназии открыли ковроткацкую мастерскую.

Бывшее Козьмодемьянское Романовское отделение, получившее новое название «Комитет попечения о беспризорных» (председатель – священник А.В. Пандиков, член комитета – земский врач В.А. Протопопов), 19 июля приобрело усадьбу П.Ф. Бычкова в районе Юркино и организовало там приют для беженцев. Данные предоставлены известным краеведом

Республики Марий Эл, кандидатом технических наук, исследователем истории г. Козьмодемьянска и пгт Юрино А.В. Муравьевым.

Иностранцы военнопленные в г. Козьмодемьянске находились под наблюдением местной жандармерии и воинского начальника. В случае отправки как беженцев, так и военнопленных в другие места жительства унтер-офицеры на местах должны были сразу же сообщать об этом, под контролем должна была находиться и переписка. Но не всегда этот контроль осуществлялся квалифицированно. Иногда военнопленные шли на различного рода уловки, чтобы ослабить контроль за собой. В этом им иногда помогали местные жители. Например, 24 июля 1916 г. в г. Козьмодемьянске городская управа пригласила переводчика военнопленных К. Альфельди, бывшего офицера Генерального штаба австро-венгерской армии, и инженера Элемира Богатого исполнить некоторые работы на городском водопроводе и др. В сопровождении конвойного они отправились на извозчике к лесничему А.С. Сапожникову и зашли к нему в дом. Лесничий предложил конвойному остаться на улице, что было нарушением правил, но тот остался. Продолжительное время пленные находились в доме у Сапожникова, до тех пор, пока гуляющая публика не напомнила конвойному о его обязанностях. Затем за городом, на месте постройки водопровода, военнопленные прогуливались, беседовали с женой и детьми Сапожникова, чем возмутили гуляющих граждан. После дознания воинский начальник арестовал К. Альфельди на 7 суток, а конвойного «поставил на 32 часа под ружьё» [3].

Условия для жизни военнопленных в городе были созданы довольно сносные. Так, 1 июня 1916 г. в г. Козьмодемьянске находились 3 штаб-офицера, 83 обер-офицера и один генерал: из них 39 немцев и 47 австрийцев. 73 военнопленных офицера были расквартированы в деревянном здании женской гимназии и в доме Горшкова – 13 человек. Проверяющий Чебоксарский воинский начальник, полковник Слюсаренко, отмечал, что помещения оборудованы удовлетворительно. Имеется достаточное количество столов и скамеек простой работы, на стенах масса фотографий, картин и полок с необходимыми принадлежностями, но наблюдается теснота из-за избытка чемоданов. При желании можно было пользоваться библиотекой из разрешённых книг. У каждого офицера имеется толмач (переводчик) и денщик [2]. Нижние чины комфорта имели поменьше, и служба их состояла в обслуживании своих офицеров. На одного денщика приходилось четыре офицера. Денщиками служили 8 чинов германской армии и 11 – австрийской.

Особенно полезной для города оказалась деятельность штаб-капитана Э. Богатого. Городской голова Павел Павлович Бычков привлёк его к разработке проекта и строительства здания во дворе Ольгинского приюта (ил. 1). После инцидента с военнопленными во время прогулки и ареста К. Альфельди Козьмодемьянский уездный воинский начальник, подполковник Зеленин, потребовал от городской управы: «Не употреблять

труд инженера Богатого на постройку и ремонт зданий, принадлежащих частным лицам или составляющих недвижимую собственность городского головы или кого-либо из членов городской управы или думы». На что городской голова поспешил ответить: «Спешу сообщить, что военнопленный инженер Богатый работал исключительно для города и частных поручений, сколько мне известно, не исполнял до сего времени. В настоящее время я предполагал бы поручить Богатому составление некоторых планов по водопроводу и городских угодий» [2].

Ил. 1. Здание бывшего Ольгинского детского приюта трудолюбия. Вид сверху. Слева – каменный пристрой. Фото 2011 г.

Э. Богатый стал настолько уважаемым в городе человеком, что ему разрешалось присутствовать на городских спектаклях, а городская управа даже хотела выделить ему отдельную квартиру. Но воинский начальник не разрешил ему покинуть помещение для военнопленных. В воспоминаниях местных жителей, которые общались с пленными, сохранились идиллические картины «козьмодемьянского плена». Н. Крюкова, внучка городского головы П.Ф. Бычкова, писала: «Я ставлю в кавычки слово «пленные» потому, что в Козьмодемьянске они жили на свободе, получали из дома посылки, деньги. Не ограничивали себя ни в чём, и если отбросить тоску по Родине и по семье, жили, как на курорте. Пленные офицеры принимались и в интеллигентных домах как почётные гости» [4, с. 108]. В этих же воспоминаниях упоминаются необычные рождественские вечера, которые пленные австро-венгерские офицеры устраивали в городе: «Ёлка 1915 года должна была быть в новом двухсветном помещении здания, построенного для приюта «пленными» австрийцами и венгерцами по планам и под руководством австрийских и венгерских инженеров. Главным руководителем строительства был венгерский офицер инженер Богати. Ёлка была огромная, вся увешанная игрушками, пожертвованными и выписанными из Казани. Венгр Богати,

кроме того, что был прекрасным строителем, был знатоком художественной гимнастики и приготовил к ёлке с приютскими детьми «Марш цветов», где все были наряжены цветами» [4].

Красивое кирпичное здание, очень необычное для деревянной архитектуры Козьмодемьянска, построенное австро-венгерскими военнопленными, уже в годы войны местными жителями называлось «Австрийским домом» (ил. 2). Сам деревянный «Ольгинский приют трудолюбия», к которому был сделан кирпичный пристрой, разрушен и не сохранился. «Австрийский дом» как памятник ушедшей эпохи стоит на улице Советской современного Козьмодемьянска.

Ил. 2. «Австрийский дом» – каменный пристрой к зданию бывшего Ольгинского детского приюта трудолюбия. Современный вид.

Городское население Царевококшайска и Козьмодемьянска увеличилось в это время почти на треть за счёт прибывших пленных и беженцев. Изменились быт и уклад городской жизни. Сёла обезлюдели после мобилизации мужского населения. С новым опытом возвращались с фронта демобилизованные солдаты и репатриированные пленные Российской армии.

Горьким уроком этой войны остаётся история пребывания в плену государства-противника. К ним относится и история пребывания военнопленных Австро-Венгрии в России. Сотни тысяч офицеров и солдат Австро-Венгрии пережили самый продолжительный русский плен, т.к. большинство из них оказались в плену уже в первые месяцы войны, когда империя Габсбургов понесла на военных фронтах наиболее тяжёлые потери. В период Первой мировой войны массовая сдача в плен была наиболее характерна для австрийской армии: пленными австро-венгерские части потеряли более двух миллионов человек. О том, как австрийцы убегали с поля боя, добровольно сдавались в плен во время сражения в Галиции в

феврале 1915 г. писала и уездная газета в глухой российской провинции «Война увер» (Военные известия). Так совпало, что именно в это время местное население Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии получило свою первую газету на марийском языке, родном языке коренного населения края. Уже через несколько месяцев после этих известий в уездные города и волости приволжской губернии хлынули сотни беженцев и военнопленных.

Первый номер газеты «Война увер» на марийском и удмуртском языках вышел 4 февраля 1915 г. Газета информировала население о событиях на фронтах Первой мировой войны, а также печатала материалы культурно-просветительского характера. В третьем номере газеты от 30 марта 1915 г. печаталась подробная информация о сражениях на Юго-Западном фронте, в том числе о Галицийской битве и захваченных в плен десятках тысяч офицеров и солдат австрийской армии.

Источники и литература:

1. Зайончковский, А.М. Первая мировая война / А.М. Зайончковский. – СПб., 2000. – С. 23.
2. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 45.
3. Бойко, С.И. Казанское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны: о некоторых новых направлениях деятельности / С.И. Бойко // Запад-Восток. – 2014 – № 7. – С. 30–31.
4. Крюкова, Н.А. Догорающий сад. Воспоминания о жизни уездного города Козьмодемьянска в начале XX века / Н.А. Крюкова. – Йошкар-Ола, 2023. – С. 108.

Усилия тыла для помощи фронту, ветеранам и семьям погибших воинов

*Н.Г. Соловьёва, преподаватель
ГБПОУ РМЭ «Йошкар-Олинский
технологический колледж»*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы истории Марийского края – тылового региона периода Первой мировой войны: мобилизация на фронт, оказание помощи солдатам и их семьям, приём и размещение пленных и беженцев.

Ключевые слова: Первая мировая война, Царевококшайский уезд, помощь семьям, оставшимся без кормильца, пожертвования.

До Октябрьской революции 1917 г. территория, где проживало коренное население – марийцы, не являлась самостоятельной административной единицей. Марийское население проживало на территориях, входивших в состав Казанской, Вятской, Нижегородской, Уфимской и Екатеринбургской губерний.

По архивным данным 1903 г. Царевококшайск представлял собой уездный город с населением в 2554 человека. В городе было 15 улиц с 5 проулками, 3 площади, 268 жилых строений. 98,5% населения города составляли русские православного вероисповедания. Единственным промышленным предприятием был винокуренный завод, на Базарной площади можно было встретить бакалейные, хлебные и лесные лавки. С 1825 г. в городе работало высшее начальное училище, незадолго до революции появились мужская и женская гимназии, женское двухклассное училище при монастыре и ремесленная школа [1].

В Царевококшайском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии в начале Первой мировой войны были созваны земские собрания. 30 июля 1914 г. состоялось 40-е чрезвычайное земское собрание Царевококшайского уезда. По предложению председателя Царевококшайской управы Н.М. Черкасова были рассмотрены вопросы об оказании помощи российскому правительству в военное время.

Война резко изменила привычный уклад жизни людей. Многие семьи лишились кормильцев, в стране появилось большое количество раненых, инвалидов, значительно возросло число вдов и сирот.

Население Марийского края откликнулось на призыв о сборе пожертвований. Пожертвования принимали священники и муллы Козьмодемьянского и Царевококшайского уездов, медицинские и ветеринарные врачи, заведующие земскими, министерскими и церковно-приходскими школами. Люди приносили холст, сорочки и кальсоны, нитки, салфетки и полотенца, продукты питания, папиросы, табак. Также был объявлен сбор сухарей. Сухари отправляли в чистых холщовых мешках. Пожертвования сначала доставлялись в отделения Казанского местного

комитета Российского общества Красного Креста, а затем отправлялись на фронт.

При Царевококшайской женской гимназии в самом начале войны был организован трудовой кружок, где местные дамы и ученицы из пожертвованного холста шили бельё для больных и раненых воинов [2, с. 2]. Часть изготовленных ими вещей отправлялась в Казань, а другая часть оставалась на месте, т.к. была необходима для обеспечения бельём раненых, прибывающих в Царевококшайск.

Педагогический совет Козьмодемьянской мужской гимназии принял решение об отчислении 1% от жалованья работников на нужды войны и на содержание лазаретов для раненых.

Больные и раненые стали поступать в Царевококшайск в 1915 г. Они размещались в Царевококшайской земской больнице, земском арестном доме, Богородице-Сергиевском женском монастыре, в земской больнице с. Ронга, земской больнице с. Морки, у Куллекиминского сельского общества, в земской больнице с. Сотнур, у крестьянина д. Аргамач Арбанской волости Михаила Лебедева, крестьянина д. Цибикинур Арбанской волости Константина Герасимова.

Одной из важнейших задач, стоящих перед органами власти различных уровней, было оказание помощи семьям «призванных к оружию воинов». Основная забота оказания помощи таким семьям лежала на плечах волостных и сельских обществ, городских и уездных управ. Волостные попечительства по оказанию помощи семьям призванных на войну состояли из священников, учителей, писарей и простых крестьян, которых избирал волостной сход [2, с. 3].

Семьям, оставшимся без кормильцев, старались помогать при уборке урожая, обеспечивали посевным материалом, давали во временное пользование лошадей, сельскохозяйственный инвентарь, например, молотилки и механические приводы и т.п.

Вместе с увеличением числа военнообязанных и новобранцев, а также повышением цен на продукты увеличивалась сумма, выделяемая казной на пособия солдатским семьям. В губернских и областных управлениях заранее составляли списки «семей взятых на военную службу нижних чинов» и ходатайствовали перед правительством о выделении соответствующей суммы на три месяца вперёд.

Положение семей призванных, несмотря на увеличение количества пайков и их стоимости, имело тенденцию к ухудшению вследствие роста дороговизны продуктов питания. Положение на селе также ухудшали досрочные армейские мобилизации. Они привели к тому, что даже за большие деньги невозможно было найти молодого и сильного работника. Следствием этого являлось повсеместное сокращение посевных площадей и недосевы хлеба [3].

Сочетание низкого плодородия почв, низкой культуры земледелия, неблагоприятных природно-климатических условий предопределяло низкую продуктивность крестьянского хозяйства.

Средняя урожайность зерновых не превышала сам-3 (отношение общего сбора хлеба к количеству посеянных семян). Частыми были в крестьянской жизни и недороды урожая. Положение нередко осложнялось падежом скота от бескормицы и болезней. Урожай зачастую лишь хватало на то, чтобы прокормить семью. Товарной же продукции крестьяне получали мало, а то и не получали совсем. Не случайно доходность их хозяйств, как показывают подсчёты земских статистов, далеко не покрывала обложения платежами и повинностями [3].

В условиях войны особое значение приобрела деятельность властей по обеспечению нормальной жизни, недопущению беспорядков и паники, решению вопросов хозяйственного и социального назначения. Одной из приоритетных задач стало обеспечение продовольственной безопасности населения. Война породила недостаток продовольственных и промышленных товаров, что привело к неминуемому росту цен.

Для сбора средств по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, проводились специальные лотереи. Лотерейные билеты продавались на вечерах и благотворительных спектаклях, концертах, лекциях, базарах, распространялись через священников, учителей, волостных старшин, лесничих. Вырученные деньги передавались в уездные отделения «Комитета Ея Императорского Высочества Великой княгини Елисаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну».

Во время Первой мировой войны активную деятельность в стране развернули многочисленные союзы и комитеты: Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Комитет Её Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий, Комитет Её Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну и др. Все эти комитеты и союзы имели губернские, уездные или городские отделения, которые осуществляли деятельность на местах. Например, Козьмодемьянский уездный комитет Всероссийского земского союза. Членами этого комитета являлись земские врачи, члены земской управы, гласные земского собрания, представители местной интеллигенции. Деятельность уездного комитета состояла в сборе денежных средств, предметов одежды и т.д.

В сентябре 1914 г. был учреждён Комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий под председательством дочери Императора Николая II Великой княжны Татьяны Николаевны. Комитет занимался оказанием материальной помощи беженцам, поиском работы для трудоспособных, устройством детей беженцев в учебные заведения и т.д.

Война вызвала перемещение значительных масс населения из прифронтовой полосы. Люди вынуждены были покинуть родные места и бежать вглубь страны. За годы войны в Козьмодемьянском и Царевококшайском уездах было размещено порядка 10 тыс. беженцев из западных губерний Российской империи. Беженцы регистрировались, они имели право на получение продовольственных пайков, они по возможности снабжались одеждой и обувью.

Для сбора средств в пользу пострадавших от военных действий проводились специальные акции. Так, в августе 1915 г. Татьянанский комитет стал инициатором сбора «Ковш зерна нового урожая». В Козьмодемьянском уезде данная акция началась осенью 1915 г., её организацией и проведением занимались земские начальники и волостные попечительства. В каждом селении перед началом сбора «Ковш зерна» священникам предлагалось отслужить молебен и «произнести слово, приглашающее к посильной жертве». Продуктов, собранных в течение данной акции, хватало на обеспечение беженцев, живущих в уездах. В качестве пожертвований принималось не только зерно, но и другие продукты, деньги, одежда, всё, что могло пригодиться людям, обездоленным и согнанным войной из родных мест.

Каждый старался помочь по мере возможности, внести свой вклад в общее дело. Учащиеся Русско-Кукморского училища собрали пять рубашек, одну простынь, одну салфетку, один ситцевый платок, шесть носовых платков, семь пар варежек, три пары носков, один моток ниток, семь фунтов сахара, один фунт чая, пачку почтовой бумаги и др. для отправки на фронт в качестве рождественских подарков.

Ожесточенные сражения Русской армии с австро-венгерскими, германскими войсками в 1914 – начале 1915 г., поражения русских войск несколько охладили в России воодушевление, вызванное началом войны.

Надежды на молниеносную победу испарились, резко обозначились проблемы. В армии не хватало самого необходимого – снарядов, патронов, ружей, даже сапог. Нередко новобранцы попадали в действующую армию без обуви, и им приходилось сражаться босыми. Далеко не все бойцы имели винтовки, многим приходилось ждать гибели или ранения своих товарищей, чтобы получить их оружие. Только к весне 1916 г. благодаря усиленной работе военной промышленности Русской армии удалось восполнить недостаток патронов и снарядов.

Помощь семьям мобилизованных на войну оказывалась в основном выборочно. Она зависела от имущественного ценза, политической благонадёжности, количества детей, благосостояния родственников и односельчан.

Марийский край во время Первой мировой войны, оставаясь в тылу, испытал все трудности войны: мобилизация мужского населения на фронт привела к нехватке рабочих рук, приток беженцев, которых нужно было

обеспечить жильем, рабочими местами, устроить детей в школы, отправка на фронт продовольствия, приём пленных.

Источники и литература:

1. Жучкова, С.В. Места памяти Первой мировой войны (1914–1918) в уездном Царевококшайске / современной Йошкар-Оле: из опыта систематизации / С.В. Жучкова // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 25–38.

2. Лукиных, Н.А. Марийский край в годы Первой мировой войны (по документам Государственного архива Республики Марий Эл) // Studylib.ru – документы для учеников и учителей. – URL: <https://studylib.ru/doc/3990651/1-marijskij-kraj-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny--po-dokumentam>

3. Марийский край в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Мемориальная книга. Т. II. Козьмодемьянский уезд Казанской губернии / сост. А.Н. Кудрявцев, А.В. Соколов. – Йошкар-Ола, 2021. – С. 19–20.

Мобилизация жителей Марийского края в годы Первой мировой войны

*Р.В. Мохов, преподаватель
ГБПОУ РМЭ «Марийский
лесохозяйственный техникум»*

Аннотация. В статье рассматривается проблема мобилизации жителей Марийского края в годы Первой мировой войны. Автор акцентирует внимание на повинностях жителей Марийского края в годы войны, проблеме дезертирства и самовольной отлучки солдат.

Ключевые слова: Первая мировая война, мобилизация, Марийский край, Царевококшайский уезд, Козьмодемьянский уезд.

Первая мировая война стала первым крупным международным конфликтом XX века. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника Австро-Венгерской короны, и его жены, эрцгерцогини Софии, в Сараево 28 июня 1914 г. привело к тому, что через месяц начались военные действия, продолжавшиеся в течение следующих четырёх лет.

В результате военных действий погибло почти 10 млн солдат, что намного превышает общее число жертв всех войн за предшествующие сто лет. Хотя трудно установить точные статистические данные о потерях, по некоторым оценкам, число раненых в бою достигло 21 млн. Эти колоссальные потери всех сторон, участвующих в конфликте, отчасти стали результатом применения нового оружия, такого как пулемёты и отравляющие газы, а также неспособности военачальников адаптировать свою тактику к более механизированному характеру вооружённой борьбы. Политика нанесения максимальных потерь противнику, особенно на Западном фронте, стоила жизни сотням тысяч солдат. 1 июля 1916 г. были понесены самые большие потери живой силы за один день – одна только британская армия потеряла более 57 тыс. человек в битве на р. Сомме. Наибольшее число погибших было в армиях Германии и России. Генерал Николай Головин в работе «Русская армия в мировой войне» называет цифру: общие потери Русской армии в Первую мировую войну составили 7 млн 917 тыс. человек: 1 млн 300 тыс. чел. убитыми, 4 млн 200 тыс. ранеными (из которых 350 тыс. умерли), 2 млн 517 тыс. пленными.

Никакие официальные организации не вели точный подсчёт потерь гражданского населения в годы войны, но согласно оценке специалистов в качестве прямого или косвенного результата военных действий погибло 13 млн мирных жителей. Смертность как военного, так и гражданского населения достигла своего пика в конце войны в результате эпидемии «испанки» – самой смертоносной эпидемии гриппа в истории человечества. В результате конфликта миллионы людей были насильственно выселены из своих домов или вынуждены были покинуть места своего постоянного

проживания в Европе и Малой Азии. Ущерб, нанесённый зданиям и промышленным объектам, был катастрофическим.

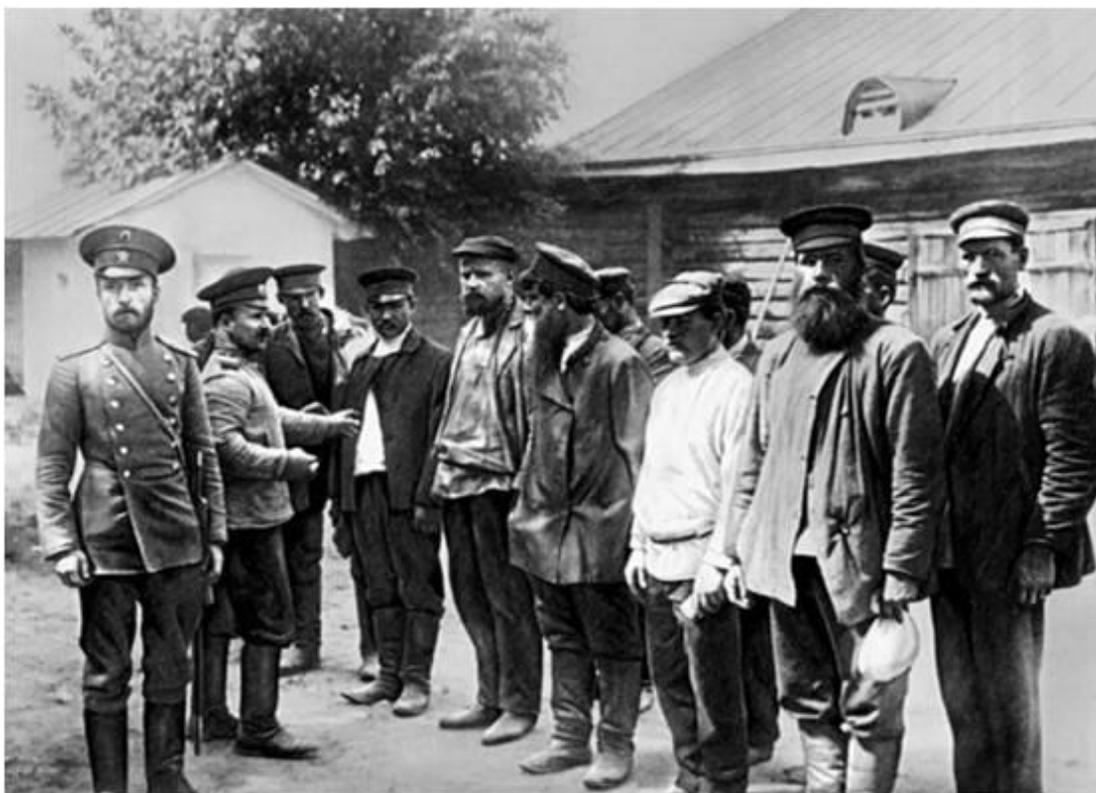
Перед Первой мировой войной Россия провела реформу армии. В 1907 г. была проведена реформа флота, а в 1910 г. – реформа сухопутных войск. Страна многократно увеличила военные расходы, а общая численность армии в мирное время составляла 2 млн человек. В 1912 г. в Российской империи был утверждён новый Устав полевой службы (ил. 1). Сегодня его по праву называют самым совершенным Уставом своего времени, поскольку он мотивировал солдат и командиров на проявление личной инициативы. Важный момент! Доктрина армии Российской империи была наступательной. Несмотря на то, что было много положительных изменений, были и очень серьёзные просчёты. Главный из них – недооценка роли артиллерии в войне. Как показал ход событий Первой мировой войны – это была страшная ошибка, которая чётко показала, что на момент начала XX века русские генералы серьёзно отстали от времени. Они жили прошлым, когда важна была роль кавалерии. В итоге же 75% всех потерь Первой мировой войны были нанесены артиллерией! Это был приговор императорскому генералитету. Важно отметить, что Россия подготовку к войне (на должном уровне) так и не закончила, а Германия её завершила в 1914 г.

Ил. 1. Устав полевой службы. 1914 г.

Одна из самых ширококомасштабных войн в мировой истории началась 28 июля, изменив коренным образом судьбы многих людей, в том числе проживавших на территории современной Марий Эл, хотя фронт, как и в случае со Второй мировой, до наших земель не дошёл. Война стала суровой проверкой эффективности сложившейся в России системы комплектования вооружённых сил и подготовки резервов.

Установлено, что 30 июля, после извещения о начале войны, в Царевококшайском и Козьмодемьянском уездах были созваны чрезвычайные земские собрания. При этом подготовка к войне началась немного раньше. Царевококшайский уездный воинский начальник подполковник Недашковский получил телеграмму о мобилизации утром 17 июля 1914 г., а первый сборный пункт открылся 18 июля. Первая отправка царевококшайцев в Казань состоялась уже 20 июля. Всего же спустя неделю после объявления в стране всеобщей мобилизации на фронт отправились 2529 человек (ил. 2). Кроме того, свыше 1500 уроженцев уезда проходили срочную и сверхсрочную службу в первоочередных частях, вступивших в первые бои Первой мировой войны. Мобилизационную компанию в Царевококшайском уезде удалось выполнить успешно. Недашковского в декабре 1915 г. наградили орденом Святой Анны 2-й степени, а также медалью «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года» (ил. 3).

Ил. 2. Мобилизованные на фронт. Начало XX в.

Ил. 3. Орден Святой Анны 2-й степени.

Мировой размах вооружённой борьбы требовал значительных усилий от государства по снабжению фронта людскими и материальными ресурсами (ил. 4), а тыла – продуктами питания и предметами первой необходимости. Провинции отводилась роль главного источника вышеупомянутых ресурсов. На начальном этапе войны это выражалось в поставке фронту лошадей и мяса.

19 С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО 229
Губернского по воинской повинности Присутствия.

ПРИЗЫВНОЙ ЛИСТЪ.

Во исполнение Высочайшаго повелѣнія о мобилизаціи ополченскихъ степеней, состоящихъ въ пункте ополченія Поручикъ Леонидъ Григорьевъ Григорьевъ вызывается на службу въ ополченіи Поручикъ Григорьевъ обязать явиться въ управленіе Царское уѣзднаго воинскаго Начальника въ установленный срокъ (разсчитанный согласно ст. 338, 314 и 315 Устава о воин. повин.), для полученія прогонныхъ и военно-подъемныхъ денегъ и отправленія на службу въ 55-ю артиллерійскую бригаду по распоряженію г. Царское Поручикъ Григорьевъ предоставляется г. Царское явиться и прямо съ мѣста жительства къ мѣсту назначенія въ названномъ г. Царское случаѣ необходимо: а) немедленно увѣдомить о сѣмь г. Царское Губернское по воинской повинности Присутствіе и б) прибыть по назначенію въ установленный поверстный срокъ.

Въ случаѣ отправленія къ мѣсту назначенія прямо съ мѣста жительства, Поручикъ Григорьевъ будетъ удовлетворенъ подъемными и прогонными деньгами по прибытіи прямымъ его начальствомъ.

Примечаніе 1. На устройство домашнихъ дѣлъ полагается двое сутокъ, а для обмундированія и снаряженія трое сутокъ (ст. 338 и 314 Уст. о воин. повин.).
Примечаніе 2. Собственно на переездъ разстояніи отъ мѣста жительства до управленія Царское уѣднаго воинскаго Начальника полагается, по количеству и роду пути четыре сутокъ.

И. Лосе 1914 № 953
Церемонный Член
Секретарь Присутствія

Ил. 4. Призывной лист поручика Л.Г. Григорьева. 21 июля 1914 г.

Мобилизация основной тягловой силы (лошадей) на военные нужды воспринималась населением неоднозначно, хотя мобилизованное имущество со временем компенсировалось. Население, особенно крестьяне, тяжело реагировали на повинность. Было немало случаев, когда в судебном порядке рассматривались целые дела о сокрытии лошадей. Важным вопросом было обеспечение нужд фронта мясом. Так, в частности, Козьмодемьянский уезд должен был сдать в 1916 г. 1670 голов крупного рогатого скота, в 1917 г. – 4292 головы крупного рогатого скота.

В годы Первой мировой войны немало мужчин было призвано на действительную военную службу из Козьмодемьянского и Царевококшайского уездов Казанской губернии. В Государственном архиве Республики Марий Эл имеются списки призванных на войну, составленные волостными правлениями и уездными управами в 1914–1916 гг. В списках указывались фамилия, имя новобранцев, их возраст, состояние здоровья, разряд, место жительства, занятие в мирное время. Невозможно перечислить имён и фамилий всех, кто ушел от родного порога защищать Родину от врагов. К месту службы новобранцы добирались по специальным маршрутным картам, в которых указывался путь следования, станции посадок и пересадок на поезда, суточный размер кормовых денег для новобранцев, места ночлегов и пунктов для смены подвод и т.п. Козьмодемьянская уездная земская управа в своём распоряжении к волостным правлениям просила своевременно и беспрепятственно обеспечивать новобранцев, направляющихся к месту службы, необходимым количеством подвод, продовольствием и ночлегом. Среди документов Государственного архива Республики Марий Эл, датированных периодом Первой мировой войны, немало таких печальных свидетельств того времени, как справки о смерти солдат, погибших в боях и от ран, а также о пропавших без вести. Война требовала от всего населения Российской империи напряжения душевных и телесных сил, она вызвала к жизни нехарактерные для мирного времени явления, такие как появление беженцев и военнопленных, поток раненых и увечных воинов, массовую потерю кормильцев и др.

В ряде мест начало мобилизации в разгар сельскохозяйственных работ вызвало стихийные действия. Козьмодемьянский уездный исправник 19 июля 1914 г. сообщал что «шестеро призывников в здании училища д. Магазейкино сорвали со стены портрет Государя».

В Марийском крае проявилось и такое характерное для войны явление, как дезертирство и самовольная отлучка. Так, в 1915 г. в Царевококшайском уезде было задержано 26 дезертиров. Из крестьян Козьмодемьянского уезда находилось в самовольной отлучке в течение 1915 г. 366 человек, из них было задержано 58. В целом же массовое дезертирство с фронта началось после Февральской революции 1917 г. По данным исследователя Н.Н. Головина к 1 ноября 1917 г. число явных и скрытых дезертиров исчислялось цифрой более, чем в 2 млн человек. Боевой соратник Головина

генерал Ю.Н. Данилов объяснял подобное непатриотическое поведение отсутствием в народных массах «сознания государственного единства». В результате даже среди русского коренного населения бытовало мнение, что «если мы вятские, тульские, пермские, то до нас немец не дойдет».

Помимо дезертиров в деревнях было немало и отпускных солдат, которые не особо спешили обратно на фронт. Среди отпускных солдат были и те, кому исполнилось 43 года. Из-за возраста они подлежали демобилизации. Однако, многие из них, будучи отцами семейств, для того, чтобы и дальше получать пайки, не торопились увольняться и предпочитали числиться военными. Это явление было порождено, прежде всего, инфляцией, дороговизной – пайки и пособия для многих семей оставались едва ли не единственным источником дохода.

Революционные события в стране разворачивались со всё возрастающей скоростью. При массовой неявке мобилизованных на призывные пункты сотни тысяч солдат действующей армии, оставив боевые позиции, устремились к местам своего жительства. К осени 1917 г. Временное правительство фактически утратило контроль над армией. Необходимость демобилизации стала совершенно очевидной из-за развала продовольственного снабжения армии.

Демобилизация Русской армии стала одним из приоритетных направлений в деятельности большевистского правительства. 23 ноября 1917 г. Совнарком принял Декрет о постепенном сокращении численности армии. Последние четыре призыва (1916–1919 гг.) демобилизовались до 25 апреля 1918 г.

Таким образом, жители Марийского края вместе со всей Российской империей пережили нелёгкие годы Первой мировой войны. За четыре года боевых действий, с 1914 по 1918 г., из Марийского края на фронт ушло несколько десятков тысяч человек. Много уроженцев нашего края погибли на фронтах войны, получили увечья. Также население Марийского края участвовало в снабжении фронта тягловой силой, продуктами питания и предметами первой необходимости. Война требовала от всего населения Российской империи напряжения душевных и телесных сил.

**Боевое участие в Первой мировой войне
Петра Васильевича Власова,
директора Республиканской библиотеки МАССР в 1946–1958 гг.**

*О.А. Севрюгина, главный хранитель
фондов ГБУК РМЭ «Национальная
библиотека имени С.Г. Чавайна»*

Аннотация. В статье представлены сведения об участии Петра Васильевича Власова (1891–1965) в Первой мировой войне, а также другие факты биографии участника Гражданской войны, партийного и общественного деятеля, рассматриваются воспоминания Петра Васильевича о различных этапах жизненного пути, упоминается его работа в качестве директора Республиканской библиотеки.

Ключевые слова: Пётр Васильевич Власов, Первая мировая война, Юго-Западный фронт, 163-й пехотный Ленкоранский полк, воспоминания, исторические источники, Национальная библиотека имени С.Г. Чавайна (Республиканская библиотека Марийской АССР).

110 лет назад Российская империя после объявления войны Германией вступила в Первую мировую войну, ставшую одним из самых масштабных конфликтов за историю человечества. Для России война стала великим подвигом и вместе с тем – огромной трагедией, ввергнувшей страну в хаос революции и борьбы за власть. Дата начала войны, 1 августа, стала Днём памяти российских воинов, погибших во время этого конфликта. Это день, когда мы отдаем дань уважения доблести наших солдат и офицеров, массовому героизму, патриотическому подъёму в российском обществе.

Память формируется из совокупности сведений, в том числе воспоминаний. И особое впечатление оказывают воспоминания об этих событиях человека из нашей библиотечной среды, ставшего близким современному поколению библиотекарей через цепочку знакомых людей. Таким человеком является Пётр Васильевич Власов (ил. 1), вошедший в историю Национальной библиотеки имени С.Г. Чавайна как её директор в 1946–1958 гг. В библиотеке хранится небольшой архив документов Петра Васильевича, переданный его дочерью Маргаритой Петровной [1].

Пётр Васильевич Власов оставил яркий след и в истории республики. С 1918 г. он находился в составе Красной армии, в начале 1919 г. был направлен на учёбу на Первые Московские пулемётные курсы комсостава РККА. Будучи курсантом, он нёс службу по охране Московского Кремля. В 1919–1923 гг. П.В. Власов сражался на Южном и Юго-Западном фронтах Гражданской войны: командир роты, командир батальона, комиссар полка 45-й Волынской Краснознамённой стрелковой дивизии. За боевые заслуги и храбрость был награждён орденом Красного Знамени [2, с. 86].

Ил. 1. Пётр Васильевич Власов. Середина XX в.

В 1923 г. после демобилизации П.В. Власов приехал в г. Краснококшайск, вскоре заступил на партийную работу, в последующие десятилетия (до 1946 г.) Пётр Васильевич работал в партийных органах в Горьковской области, в Марийской республике. В разные периоды он был секретарём Моркинского, Мари-Турекского, Горномарийского райкомов ВКП(б), заведующим отделом Марийского обкома ВКП(б), секретарём Марийского обкома ВКП(б) по животноводству. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. он был первым секретарём Йошкар-Олинского горкома ВКП(б), первым секретарём Оршанского райкома ВКП(б). В 1931 г. он окончил курсы при Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова в Москве. В качестве делегата участвовал в XVIII съезде ВКП(б) [3].

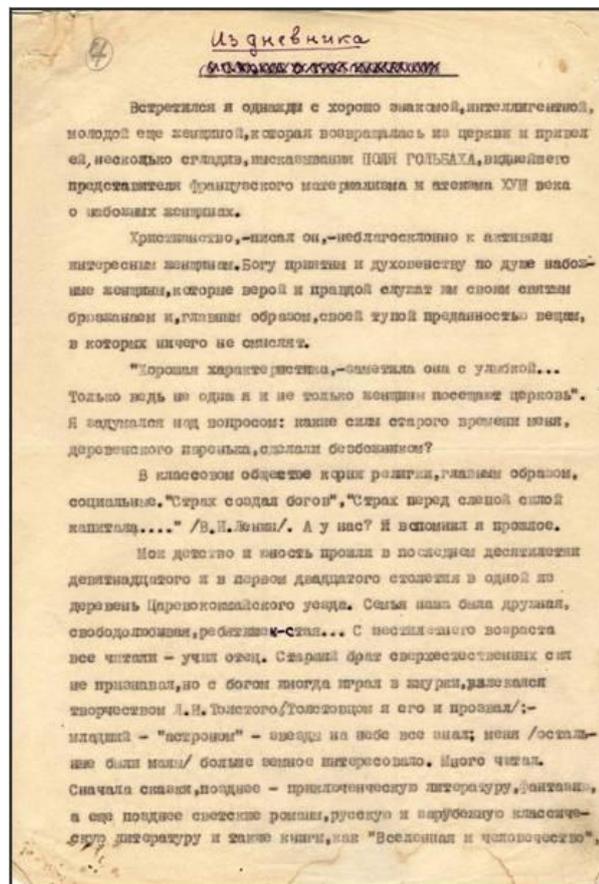
Пётр Алмакаев, известный в республике партийно-государственный деятель, так характеризовал П.В. Власова: «старый коммунист, всесторонне образованный, начитанный, знающий прекрасно литературу и искусство, имевший обширную личную библиотеку, проявлявший в общении с людьми интеллигентность и высокую культуру» [4, с. 210].

В памяти поколений Пётр Васильевич Власов остался как легендарная личность, человек необычной судьбы, настолько необычной, что его судьба не укладывается в стандартную биографию, а является множеством отдельных захватывающих историй, отражающих значимые события эпохи. Одна из таких историй – участие Петра Васильевича Власова в Первой мировой войне, которую он прошёл от начала и до конца.

Пётр Васильевич Власов родился 16 октября 1891 г. в деревне Юшково Царевококшайского уезда Казанской губернии (ныне Медведевский район Республики Марий Эл) в семье крестьянина-середняка [3]. «Интересная у нас была семья – отец, мать, пятеро мальчишек, мал-мала меньше, сестрёнка. И хоть день и ночь работали, особенно старший брат, – и я тянулся за ним, а

концы с концами не всегда сводили. Не помню случая, чтобы при нас отец с матерью ругались, спорили, хотя характеры были разные: отец горячий, вспыльчивый, но быстро отходил. Мать скромная, тихая, но настойчивая. Хорошая она у нас была. Бедность, куча ребятишек, а мы всегда в чистом, хотя и самотканом и штопаном-перештопаном. И в доме чисто. И на работе вместе с нами. Отец в школе не учился, самоучка, но много читал и слыл за грамотея. Был очень честен и прям. Пьяным и курящим я его не видел, не слышал, чтобы он нехорошо выругался. Интересовался больше общественными, мирскими делами, а не своим хозяйством. Выписывал газету. Руководил хором. Дом наш был центром «культурной» жизни деревни. Каждого из нас отец научил читать с пяти лет. В вопросах веры, в суждениях отцом была дана полная свобода. Очень мы любили читать. И читали в детстве и юности без разбору, так как достать книгу было нелегко. Бывало, даст отец пятак на гостинцы, а я жду коробейника – «дядюшку Якова» и покупаю книжки. Но истинным воспитателем нашим после школы была классическая литература» [5, с. 3] (ил. 2).

Пётр Васильевич относился к тому поколению, когда личность формировали книги, много читал, сначала сказки, приключения, фантастику, позднее светские романы, русскую и зарубежную классическую литературу, а также познавательные книги: «Вселенная и человечество», многотомная «История исследования природы», «Человек и Земля» [3].

Ил. 2. Из дневника П.В. Власова.

Основной источник сведений об участии Петра Васильевича в Первой мировой войне – его собственные воспоминания, опубликованные в формате статьи «Путь солдата» в газете «Марийская правда» к 50-летию, а затем и к 100-летию начала Первой мировой войны, которую сам Власов называл «мясорубкой всемирной бойни» [6]. «Осенью 1913 года я был призван на военную службу, в январе 1914 года прибыл в Симбирск, в 163-й пехотный Ленкоранский полк. По тому времени парень я был сравнительно грамотный, много читал и, хотя, окончил только начальную школу, готовился по программе городского училища и привёз с собой в чемоданчике учебники. Но так как солдату не полагалось иметь книги, учебники мои «с моего согласия» перекочевали к фельдфебелю «на хранение» до окончания военной моей службы. Военная учеба не затрудняла, но одолевала тоска по книге – читать было нечего, и тяготило рабское положение ...» [6, с. 3].

163-й пехотный Ленкоранско-Нашебургский полк входил в состав 41-й пехотной дивизии 16-го армейского корпуса Русской императорской армии. Корпус к 5 августа 1914 г. был в составе 4-й армии Юго-Западного фронта, 30 августа 1914 г. был перечислен в состав 9-й армии того же фронта. Корпус – участник Ченстохово-Краковской операции в ноябре 1914 г., Таневского сражения 18–25 июня 1915 г. и Люблин-Холмского сражения 9–22 июля 1915 г., сражался в боях на р. Висле, действовал в декабре 1915 г. в ходе операции на р. Стрыпе, участвовал в наступлении Юго-Западного фронта 1916 г., в том числе, в сражении у Бурканувского леса [7].

В Первую мировую войну боевой путь унтер-офицера Петра Власова проходил по тернистым дорогам Западного и Юго-Западного фронтов, большей частью – по территории Царства Польского, затем – в Галиции, Закарпатье: «163-й пехотный Ленкоранский полк, в котором я пробыл до марта 1918 года, выехал на фронт к Люблину четвертого или пятого августа 1914 года ... Много народа за время войны сменилось и в полку. Рядом со мной на моих глазах гибли замечательные ребята – фронтовые друзья» [6, с. 3].

Довелось Петру Васильевичу испытать и горечь отступления – великого отступления Русской армии из Галиции, Польши и Литвы летом-осенью 1915 г. Об этом он писал: «1915 год. Отходим где-то в Ломжинской губернии. Впереди, с боков и за нами – огненное море: горят деревни, леса, горит хлеб на полях, стога на лугах. Кажется, горит и воздух. Вместе с нами по дорогам «отступают» и жители: старики, женщины, дети. Кто со скарбом, кто с детьми на руках, на тележках. Куда идут и зачем идут?» [6, с. 3].

Не легче была и позиционная, окопная война, когда после отступлений 1915 г. зимой 1915–1916 гг. фронт не двигался, только пулемётная и ружейная перестрелка и редкие обстрелы из миномётов и артиллерийских орудий. В то время Пётр Власов был ротным оружейным инструктором, отвечал за сохранность и исправность оружия, за огневую подготовку. Есть в воспоминаниях Петра Васильевича и бытовые зарисовки, которые только подчёркивают тяжесть войны: «Стояли мы в резерве где-то под Ченстоховом.

Большой помещичий сарай, заполненный соломой. В одном конце – пулемётчики, в другом – мы, небольшая группа. На мою долю досталось варить картошку. Хлеба и соли не было – горячая картошка и так хороша. Сварил в каком-то кувшине с узким горлышком, несу ... Слышу – тяжёлый снаряд. На какое-то мгновение теряю сознание. И я лежу, будто мёртвый, ничего не слышу, как в склепе. Открываю глаза, поднимаюсь, в голове шум и кувшин в руке. Подбежали ребята, что-то говорят, радуются, что я жив и картошка цела, а я ничего не понимаю, не слышу» [6, с. 3].

Другие страшные картины бедствий войны: «1916 год. Так называемое Брусиловское наступление. Австрийские армии разбиты – миллион убитых и раненых. Мы после большого сражения идём во втором эшелоне по равнине, усеянной разлагающимися трупами, частями трупов. Трупов очень много везде, куда ни помотришь. Страшная картина!» [6, с. 3].

Были и контузия, и отравление газом: «1917 год. Лето. Галиция. После провалившегося июньского наступления на Юго-Западном фронте полк вёл арьергардные бои, сдерживая немцев. Наш батальон занимал высоту, расположенную впереди позиции полка, и это «не нравилось» немцам. Попытки сбить нас с этой высоты обычной атакой успеха не имели – атаки легко отбивались. Однажды утром, сосредоточив против нас около трёхсот орудий, немцы открыли ураганный огонь по участку батальона, вначале снарядами с удушливым газом. Взвод, которым я командовал, находился в батальонном резерве. Я в горячке вспомнил о противогазе только тогда, когда стал задыхаться». И горькое признание Петра Васильевича о конце боя: «Я остался жив. Высоту мы оставили» [6, с. 3].

Февральскую революцию 1917 г. полк встретил в Карпатах, в районе с. Новоселица. В глубоком ущелье были построены основные части полка. В центре – офицеры, священник, на небольшой трибуне полковник – командир полка [Александр Васильевич Дорошкевич]. Он говорил о том, что «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович отрёкся от престола, что создано Временное правительство. Сказал о приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в частности, о том, что отменяется вставание во фронт, титулование офицеров ... Вместе с этим напоминал об уставе, о дисциплине, о долге перед Родиной». Пётр Васильевич вспоминал: «И хоть тогда же нас привели к присяге Временному правительству, всё оставалось по-старому – и война, и окопы, и караульная служба, и дозоры, и грязь, и тоска по дому. Надо было ещё испытать на себе политику Временного правительства и июньское «наступление», пройти ещё долгий путь солдата старой армии ... А сперва была просто радость, смутная надежда – мечта об окончании войны, о мире, о доме, о какой-то новой, не совсем ясной красивой жизни» [6, с. 3].

1917 г. стал особенным в судьбе Петра Власова. Война ещё продолжалась. «Бурный 1917 год я был на Юго-Западном фронте. Наш полк стоял около Карпат. Связь с центром России была очень слабая. Все сведения

о революционных событиях доходили до нас с опозданием. Однако раскаты Февральской буржуазно-демократической революции вскоре докатились и до нас. В войсках началось брожение» [8, с. 2].

Это время и для Петра Васильевича стало временем политического становления. В войсках были сильны большевистские настроения. В мае, когда встал вопрос о посылке делегации в Петроград для ознакомления с положением и за большевистской литературой, полк делегировал двух человек: питерского рабочего и Петра Васильевича Власова. Сам он об этом писал: «Много дала поездка в Петроград. Там я окунулся в кипящий океан человеческих страстей, уличных митингов, рабочих собраний, был часто в казармах, присутствовал один раз на крестьянском съезде, на заседании Петроградского Совета и много читал, читал всё, что за день выходило. В полк привезли много большевистской литературы ...» [6, с. 4].

«Октябрьскую революцию встретили мы на фронте, уже испытав всё, что испытали солдаты царской армии на далёких полях войны: в зной и в стужу, по пояс в снегу и по горло в грязи солдаты наступали, солдаты отступали, жили солдаты в земляных логовах, мёрзли в окопах. Осколки снаряда и пуля настигали солдата-фронтовика в бою, на отдыхе, во время сна ...» [9, с. 2]. В октябре полк и вся дивизия стояли в северо-восточном углу Бессарабии, в районе Хотина. Во второй половине марта 1918 г. полк демобилизовался: с большим трудом, организованно, наполовину вооружённый, он проехал Украину и рассыпался в Советской России. Старой армии в марте не стало. Началась иная история жизни целого поколения – Гражданская война, строительство социализма [6, с. 4].

Воспоминания Петра Васильевича Власова о Первой мировой войне как любой источник мемуарного жанра имеют как преимущества, так и несут неизбежную субъективность. Они доносят непосредственное восприятие фронтовой действительности конкретным человеком – Петром Власовым, передают психологическое состояние человека на войне. Воспоминания были написаны Петром Васильевичем в начале 1960-х гг., как и другой его известный труд, написанный под впечатлением от Гражданской войны: «Махновцы поневоле» [10].

На условия их создания повлияли, конечно, официальная идеология, появление к этому времени значительных исследований о Первой мировой войне. Создавались новые художественные произведения о войне. Стали более доступными написанные ранее и переведённые на русский язык произведения Эрнеста Хемингуэя, Эриха Марии Ремарка, Анри Барбюса – романы о «потерянном поколении», о разрушительном влиянии войны на человека, на общество. В воспоминаниях Петра Власова также значительное место занимают психологические аспекты войны.

В тексте боевой путь полка обозначен самыми общими географическими названиями. Заметен акцент на угнетённое положение солдата, нет примеров солдатского героизма, нет описаний патриотических чувств. В то же время создаётся впечатление, что армия сражалась достойно.

Не упоминаются имена, фамилии, звания товарищей по службе, номера и названия частей. Армия обезличена. Скорее всего, это отсутствие доступа к документам о войне, невозможность или нежелание называть имена людей – судьба офицеров-сослуживцев складывалась по-разному.

А в воспоминаниях о Гражданской войне Власов приводит номера частей, фамилии командиров, вплоть до командиров взводов, личные характеристики сослуживцев и товарищей, наличие вооружения, его виды, количество, описания и исход боёв, географические названия всех местечек, где стояли, каким было снабжение, бытовые условия. Дается собственная оценка военно-политической обстановки, описывается сложное взаимодействие Красных и Махновских частей в борьбе с Армией Деникина, прослеживается четкая хронология изложения [10, с. 176–189].

В библиотеку Пётр Васильевич Власов пришёл уже зрелым человеком после героической армейской службы и долгих лет партийной работы, автором книг-воспоминаний о жизненном и трудовом пути с репутацией безупречного руководителя – справедливого и независимого. 19 ноября 1946 г. он был назначен директором Республиканской библиотеки [1].

На работе у Власова был четкий распорядок дня, он сам его соблюдал и требовал от подчинённых дисциплины и исполнительности, в то же время предоставлял возможность нормально отдыхать. Ежедневно он начинал рабочий день с обхода отделов библиотеки, как-то очень неофициально вникал в суть работы, умел поднять настроение, часто шуткой, и весь день работало с удовольствием. Ежеженедельно проводились короткие совещания заведующих отделами при директоре, которые проходили живо, заинтересованно, критически, невзирая на лица. Пётр Васильевич оставался всегда объективным и справедливым ко всем, умел уважительно поговорить и с библиотекарем, и с читателем [11, с. 3].

Библиотека стала для Петра Васильевича делом его жизни, от которого человек получает удовлетворение, которое он выполняет с интересом и радостью. Петра Васильевича всегда поддерживала его семья. Жена Петра Васильевича, Александра Григорьевна, была известным в республике врачом. Дома говорили не только об интересных книгах, о радостях, но и о трудностях библиотечной жизни. Проблемы библиотек прошлого и настоящего времени очень похожи: нехватка площадей, подписка, воспитание молодёжи, приобщение к чтению. Достижения в бытность Петра Васильевича директором очевидны: начался выпуск Летописей печати республики, организован отдел хранения основного фонда, создан первый выпуск «Библиография марийской библиографии». Библиотечная династия Власовых была продолжена в лице его дочери Маргариты Петровны, которая проработала в библиотеке более 30 лет, возглавляла отдел книгохранения, пользовалась уважением и непререкаемым авторитетом.

В 1958 г., уйдя на пенсию, Пётр Васильевич стал внештатным корреспондентом газеты «Марийская правда» и руководителем на

общественных началах партийной комиссии при Йошкар-Олинском горкоме КПСС, часто выступал с воспоминаниями о своей жизни (ил. 3).

Ил. 3. Удостоверение председателя партийной комиссии Йошкар-Олинского горкома КПСС П.В. Власова. 20 января 1964 г.

Пётр Васильевич Власов был человеком пишущим. О наиболее ярких моментах биографии остались его уже упомянутые воспоминания: о Первой мировой войне, о Гражданской войне, службе в рядах кремлёвских курсантов, встречах с В.И. Лениным. Другие этапы отмечены иного рода публикациями: аналитические обзоры состояния сельского хозяйства и коллективизации в республике, отчёты о развитии хозяйства ряда районов, обзоры деятельности Республиканской библиотеки, публикации в прессе на темы патриотизма и воспитания молодого поколения.

Сам Власов об этой стороне своей деятельности писал: «Человек, вышедший на пенсию, не перестаёт быть советским человеком, не уходит из жизни ... Да, нужно сделать так, чтобы каждый ветеран труда нашёл себе место в наше замечательное время, передал богатый жизненный опыт и знания молодому поколению. Мне 70 лет. Вот уже почти два года, как я на пенсии. Нелегко было по-новому жизнь начинать. Не каждому это даётся. Кое-кто совсем уходит из привычной деловой обстановки, от трудовой деятельности, брюзжит по поводу возраста, расшатанного здоровья. Другие старости не признают, всегда в гуще жизни. А некоторые пишут, кто прозой, кто стихами рассказывают о героическом прошлом. Писать им есть о чём: современники великого Ленина, они прошли большой путь от сохи и лучины до строительства коммунизма и полёта человека в космос. Конечно, кое-кто и подтрунивает: вот, мол, нашлись писатели. Но если собрать всё написанное живыми свидетелями и участниками революции, колхозного движения или записать их рассказы, пусть даже не для печати, – какой интересный, поучительный получился бы материал!» [12, с. 3]. У Петра Васильевича Власова как раз такой материал и получился.

Сражения Первой мировой войны оставили особенно глубокий след в жизни Петра Васильевича и повлияли на его характер. Когда огонь был страшной силы, когда всё рушилось: дома, постройки, деревья, когда гибли люди, им были сделаны основные выводы о жизни, которая, прежде всего, должна быть мирной, а ещё – красивой и благополучной. А ради такой жизни

стоит отчаянно бороться с врагами и очень много работать, что и показал достойный жизненный путь Петра Васильевича Власова, солдата Первой мировой войны, мудрого руководителя, порядочного человека.

Источники и литература:

1. Власов, П.В. (1891–1965): комплект документов / Национальная библиотека имени С.Г. Чавайна. [Йошкар-Ола, 1921 – ...].
2. Власов Пётр Васильевич // Марийская биографическая энциклопедия: 3849 имён в истории Марийского края и марийского народа / авт.-сост. В.А. Мочаев; науч ред. К.Н. Сануков. – Йошкар-Ола, 2017. – С. 86.
3. Махотенко, Н.Н. Судьба – служить библиотеке (о династии Власовых) / Н.Н. Махотенко // Национальная библиотека имени С.Г. Чавайна: официальный сайт. – URL: <https://nbmariel.ru/content/sudba-sluzhit-biblioteke-o-dinastii-vlasovyh> (дата обращения: 30.09.2024).
4. Алмакаев, П.А. Годы и люди: воспоминания и размышления / П.А. Алмакаев. – Йошкар-Ола, 1998. – 271 с.
5. Власов, П.В. Поклон педагогу / П.В. Власов // Молодой коммунист. – 1964. – 1 сентября. – С. 3.
6. Власов, П.В. Путь солдата: из воспоминаний / П.В. Власов // Марийская правда. – 1964. – 31 июля. – С. 3; Марийская правда. – 2014. – 25 сентября. – С. 4.
7. 16-й армейский корпус (Российская империя) // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/16-й_армейский_корпус_\(Российская_империя\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/16-й_армейский_корпус_(Российская_империя)) (дата обращения: 11.10.2024).
8. Власов, П.В. Первые встречи с любимой газетой / П.В. Власов // Марийская правда. – 1962. – 2 апреля. – С. 2.
9. Власов, П.В. Из встреч с молодёжью: [рукопись] / П.В. Власов. – Йошкар-Ола, 1957. – 4 с.
10. Власов, П.В. Махновцы поневоле: (хроника жизни одного из полков 58-й пехотной дивизии РККА) / П.В. Власов; подгот. к публ. и предисл. А.В. Маслихина // Марийский археографический вестник. – 2004. – № 14. – С. 176–189.
11. Кузнецова, Л.И. Пётр Васильевич Власов: (воспоминания Л.И. Кузнецовой к 100-летию со дня рождения, 9.10.1991): [рукопись] / Л.И. Кузнецова. – Йошкар-Ола, 1991. – 4 с.
12. Власов, П.В. Думы ветерана / П.В. Власов // Марийская правда. – 1961. – 21 апреля. – С. 3.

Учащиеся Симбирской чувашской учительской школы – участники Первой мировой войны

*А.А. Семёнов, главный архивист
отдела публикации документов
БУ ЧР «Государственный
исторический архив
Чувашской республики»*

Аннотация. В статье приводятся краткие биографические данные 18 учащихся Симбирской чувашской учительской школы, добровольно ушедших на фронты Первой мировой войны, а также тех, чьи прошения были отклонены «за малолетством», содержание их прошений и выдержки из других документов, дающих представление о царивших в обществе настроениях в 1914, 1915 и 1917 гг.

Ключевые слова: Казанский учебный округ, Симбирская чувашская учительская школа, Первая мировая война, добровольцы, Ленкоранско-Нашебургский 163-й пехотный полк, Омский 96-й пехотный полк, Рыбинский 489-й пехотный полк, Спасский 307-й пехотный полк, Чебоксарский 308-й пехотный полк.

Объявление Германией войны России 1 августа 1914 г. всколыхнуло русское общество и вызвало мощную волну патриотизма во всех его слоях. В первый учебный день – 1 сентября 1914 г. – семь учеников последнего третьего класса Симбирской чувашской учительской школы написали заявления о желании добровольно уйти на фронт.

Первым – под № 366 – было зарегистрировано прошение 19-летнего Ф. Леонтьева:

«Его Превосходительству господину инспектору Симбирской чувашской учительской школы воспитанника III класса Симбирской чувашской учительской школы Феодора Леонтьева

прошение.

Ввиду тяжелого положения нашего дорогого Отечества я решил оказать посильную помощь своей Родине и поэтому желаю поступить добровольцем в армию. Изъявляя о вышеизложенном, покорнейше прошу Ваше Превосходительство содействовать мне в исполнении этого намерения. Город Симбирск, 1 сентября 1914 года» [1, Л. 11].

Такие же заявления написали Пётр Бойков [1, Л. 10], Александр Васильев [1, Л. 5], Григорий Иванов [1, Л. 9], Арсений Ижеев [1, Л. 8], Евдоким Савельев [1, Л. 7] и Нестор Семёнов [1, Л. 6].

Через 6 дней – 7 сентября – первым из учеников второго класса написал почти такое же заявление (по-видимому, со слов старших товарищей) Вавила Смирнов: «Ввиду тяжёлого положения нашего дорогого

Отечества я решился оказать посильную помощь своей Родине, а поэтому я желаю поступить добровольцем в армию. Заявляя о вышесказанном, покорнейше прошу Вас, Ваше Превосходительство, оказать мне содействие в исполнении этого намерения. Город Симбирск, 7 сентября 1914 года» [1, Л. 18].

А уже на следующий день – 8 сентября – ещё четыре ученика второго класса – Дмитрий Милюткин [1, Л. 19], Степан Петров [1, Л. 23], Данил Семёнов [1, Л. 24] и Александр Никифоров написали прошения в верноподданническом духе: «Имея ревностное желание положить жизнь свою за Царя и Родину, покорнейше прошу Ваше Превосходительство исходатайствовать перед надлежащим начальством о назначении меня в одну из войсковых частей, выступающую в поход в качестве добровольца. Город Симбирск, 8 сентября 1914 года» [1, Л. 26].

И ещё два заявления были написаны в тот же день Матвеем Шашковым [1, Л. 22] и Егором Зайцевым [1, Л. 25] тоже со слов старших товарищей.

22 сентября 1914 г. было зарегистрировано последнее аналогичное прошение: «Ввиду тяжелого положения нашего дорогого Отечества я решился поступить добровольцем в армию и оказать посильную помощь Родине. Заявляя о вышесказанном, покорнейше прошу Вас, Ваше Превосходительство, оказать мне содействие в исполнении этого намерения. Город Симбирск, 22 сентября 1914 г. Воспитанник Симбирской чувашской учительской школы Фёдор Ефремов. Родился 1896 года 17 февраля» [1, Л. 27]. Примечательно то, что это заявление завершается датой рождения ученика. По-видимому, это объясняется тем, что одному заявителю – Дмитрию Милюткину – уже было отказано «за малолетством»: ему не исполнилось 18 лет. Здесь надо отметить, что «Правила о приёме в военное время охотников [добровольцев] на службу в сухопутные войска», которые были Высочайше утверждены 23 июля 1914 г., запрещали принимать лиц младше 18 и старше 43 лет от роду [1, Л. 62].

Инспектор Симбирской чувашской учительской школы И.Я. Яковлев пять раз: 2, 8, 10, 13 и 19 сентября 1914 г. [1, Л. 30, 32, 33] обращался к управляющему Казанским учебным округом с ходатайством о разрешении воспитанникам Симбирской чувашской учительской школы явиться к воинскому начальнику для освидетельствования.

Разрешение «поступить добровольцами в действующую армию» было подписано помощником попечителя Казанского учебного округа 18 сентября 1914 г. Оно поступило в Симбирскую чувашскую учительскую школу 21 сентября 1914 г. [1, Л. 34].

23 сентября 1914 г. И.Я. Яковлев обратился к Симбирскому уездному воинскому начальнику с ходатайством «подвергнуть осмотру ... 14 добровольцев» [1, Л. 49]. Один из них – Даниил Семёнов – медкомиссию не прошёл [1, Л. 16].

При этом, по-видимому, родители даже не знали о выборе, который сделали их сыновья. Свидетельствует об этом письмо Е.А. Шашкова – отца Матвея Шашкова:

«Ст[анция] Оброчное Мос[ковско]-Каз[анской] ж[елезной] д[ороги] сентября 26-го 1914 г. Его Высокопревосходительству господину директору Чувашской учительской семинарии.

Телеграмму Вашу о поступлении добровольцем на войну сына моего Матвея Шашкова я получил, за которую приношу Вам большую благодарность. Ещё раз обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой ... если сын мой ещё не уехал ... то не можете ли Вы ему посоветовать и убедить его приехать ко мне на ст. Оброчное повидатся и простится. Я его не видел очень давно и очень бы хотел повидатся, Бог знает, может быть, и в последний раз. Самому мне приехать никак нельзя. Если может приехать, я буду в Оброчном до 3 или 4 октября а там уеду в Петроград ...

Ефиму Абрамовичу Шашкову. Яичный склад ...» [1, 21–21 об.].

К сожалению, в архивном деле нет документов, проливающих свет на этот эпизод: попрощались ли отец и сын ... Но, забегаая вперед, можно утверждать: Матвей Шашков до 3 апреля 1915 г. «... за ряд выдающихся подвигов представлен ко кресту Св. Георгия 4-й степени» [1, Л. 81].

Очерк «Добровольцы Чувашской школы», написанный воспитанником школы Кузнецовым позволяет ярко представить, как провожали на фронт добровольцев: «28 сентября [1914 г.] в домовой церкви Симбирской чувашской учительской школы [2] состоялось торжественное богослужение в напутствие уходящим из стен школы добровольцам. Охотников 13 человек: 7 из III последняго [класса] и 6 из II класса ... Желание послужить Родине, постоять за неё грудью и всем своим разумением, по словам юных солдат, назрело давно. Гибель братьев, родных, встречи раненых, слухи об ужасах переживаемой теперь войны, как и можно было ожидать, возбудили в них вполне понятные патриотические чувства. Сильная преданность Отчизне, стремление послужить лучшему будущему и надежда, чем бы то ни было противостоять немецкому варварству – вот те мотивы, которые руководили этими храбрецами при выборе страшного, но беспредельно высокого подвига самопожертвования ... До начала службы добровольцы, назначенные в 96-й запасный батальон в форме Ленкоранскаго полка выстроились в два ряда посреди храма. После литургии пред молебном ... отец Лебяжьев ... произнёс слово, оказавшее на присутствующих глубокое впечатление: слово, проникнутое задушевностью, горячим откликом благородному намерению воспитанников-добровольцев и беспредельною любовью пастыря к своим детям ... Юные храбрецы, – обратился в заключение своего слова о. Лебяжьев к добровольцам, – ... каждый из нас несёт свой крест, и этот крест у вас тяжёл, очень тяжёл. Тернист ваш дальнейший путь. Какие лишения ждут вас там, на границах дорогой нашей Отчизны. Усталость, холод, подчас голод ... Каждая минута может стать минутой смерти [из 13 первых добровольцев погибли 4], каждый миг сможет выработать из вас

калеку на всю жизнь [еще 6 были ранены] ... Но блажен тот, кто душу свою положит за други своя. Служение Родине – наш первейший долг, и мы каждый обязан выполнить его всем, чем можем ... Все были растроганы до глубины души ... Добровольцы получили большое нравственное подкрепление ... С чрезвычайной любовью отнеслась школа к уходящим своим питомцам. Инспектор ея И.Я. Яковлев [3] много озабочен приготовлением для них обуви и тёплой одежды. Воспитанницы Женского училища [4] заняты вязанием и шитьём для своих товарищей по школе и братьев по нации. Мальчики [5] делают энергичный сбор посильных пожертвований» [1, Л. 16–17].

Воспитанники Симбирской чувашской учительской школы в пользу своих 13 товарищей, поступивших в действующую армию, 23 сентября 1914 г. собрали 315 рублей: ведомость третьего класса содержит 30 фамилий – каждый пожертвовал 5 рублей [1, Л. 15–15 об.], ведомость второго класса содержит 55 фамилий – каждый пожертвовал 3 рубля [1, Л. 13–14].

Очерк Кузнецова завершается так: «Добровольцы серьёзны, бодры. Их не страшит будущее: ясен и светел для них тот путь, который ими избран. Ни тени сомнения в своих силах и ни следа нерешительности. Скорее им хочется в дело, и они с нетерпением ждут надлежащих распоряжений. Мы же, остающиеся товарищи, с глубоким интересом и сочувствием будем следить за их дальнейшею судьбою и будем молить Господа Бога о даровании им здоровья и душевных сил. Добрый им путь! Пожелаем им побольше силы и умения, побольше от них пользы дорогому Отечеству!» [1, Л. 17]. Добровольцы доблестно защищали Отечество: в течение первых 6 месяцев 5 из 13 были представлены к Георгиевскому кресту 4-й степени [1, Л. 81].

Как только учащимся стало известно о гибели первого из добровольцев – ученика третьего класса Фёдора Ефремова, воспитанник второго класса Филипп Мигушов обратился с прошением на имя И.Я. Яковлева: «Ничем не вызванное хищническое нашествие Германии на наше Отечество с единственной целью – разгромить и подчинить своей власти нашу Родину; уничтожение немецкими войсками наших мирных городов и селений, расстреливание тысячами невинных жителей, расхищение их имуществ, надругание над честью женщин, варварское уничтожение памятников искусств, осквернение святынь – обо всём этом я не мог слышать равнодушно, считал счастливыми тех моих товарищей по школе, которые имели возможность принести в жертву Отечеству свою жизнь. Считал я также счастливым того товарища, который пал геройской смертью, защищая Родину. Поэтому я с нетерпением ожидал, когда мне исполнится 18 лет, когда я буду иметь возможность встать на защиту Родины и умереть за неё.

Ныне, 1 декабря, настал давно желанный мною день, и я обращаюсь к Вам, Ваше Превосходительство, оказать мне содействие для поступления

добровольцем в действующую армию. г. Симбирск, 2 января 1915 г.» [1, Л. 72–72 об.].

Уже 5 марта 1915 г. в составе второй партии добровольцев Филипп Мигушов отправился на фронт и, к сожалению, через месяц пал в бою ... [1, Л. 79].

Воспитанник первого класса Алексей Ельмаков четыре раза обращался с прошением об отправке на фронт. Первое датировано 13 февраля 1915 г.: «Имея ревностное желание положить жизнь свою за Царя и Отечество, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство ходатайствовать за меня перед надлежащим начальством принять меня в качестве добровольца» [1, Л. 73]. Ко второму прошению от 7 марта, на полях которого карандашом написано «отказ за малолетством» [1, Л. 74], он вместе с заявлением от 10 марта приложил «удостоверение родителей от 6 марта 1915 г., в котором они изъявили своё согласие на то, чтобы я отправился в армию добровольцем» [1, Л. 75]. Последнее четвертое прошение он написал 15 марта 1915 г. «Желая поступить в ряды действующей армии, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не лишать меня благой чести, которую я избрал вполне сознательно. Со слезами прошу Вас исходатайствовать мне разрешение о принятии меня в армию добровольцем» [1, Л. 77].

Факты о 18 учащихся Симбирской чувашской учительской школы, написавших заявление об отправке на фронт представлены в таблице.

**Учащиеся Симбирской чувашской учительской школы,
добровольно ушедшие на фронт с 23 сентября 1914 г. по 5 марта 1915 г.,
а также те, чьи прошения были отклонены по малолетству**

№	Фамилия, имя и отчество добровольца	Даты рождения и обучения в Симбирской чувашской учительской школе	Место рождения добровольца	В каком двухклассном училище Министерства народного просвещения учился	Дата прошения о приёме на службу и сколько полных лет на момент мобилизации	Дальнейшая судьба добровольца
1	Анисимов Александр Васильев	25.04.1897 с 01.09.1911 до 04.03.1915	с. Янишево Мало-Яушевской вол. Ядрин. у. Казан. губ.	Абызовское Ядрин. у. Казан. губ.	06.02.1915 18	Воевал до августа 1917 г.
2	Бойков Пётр Аристархов	23.03.1896 с 01.09.1909 до 22.09.1914	с. Аликово Аликовской вол. Ядрин. у. Казан. губ.	Абызовское Ядрин. у. Казан. губ.	01.09.1914 18	Погиб в атаке до 05.03.1915
3	Васильев Александр Васильев	07.04.1894 с 01.09.1909 до 22.09.1914	д. Большие Крыжки Воскресенской вол. Чеб. у. Казан. губ.	Бичуринское Чеб. у. Казан. губ.	01.09.1914 20	Погиб в атаке до 03.04.1915
4	Ельмаков Алексей Иванов	нет данных	с. Богатырёво Чебаевской вол. Ядрин. у. Казан. губ.	нет данных	13.02.1915 07.03.1915 10.03.1915 15.03.1915	Отказ за малолетством

5	Ефремов Фёдор Ефремов	26.01.1896 с 01.09.1911 до 22.09.1914	д. Байгеево (Стараки) Воскресенской вол. Чеб. у. Казан. губ.	Бичуринское Чеб. у. Казан. губ.	22.09.1914 18	Погиб в атаке 08.12.1914
6	Зайцев Егор Васильев	14.11.1895 с 01.09.1911 до 22.09.1914	с. Убен Буинск. у. Симбирск. губ.	Мужское приходское при Симбирской чувакской учительской школе	08.09.1914 18	Представлен к Георгиевск. кресту 4-й ст; ранен до 03.04.1915
7	Иванов Григорий Иванов	08.11.1894 с 01.09.1909 до 22.09.1914	д. Нижние Кунаши Чурагчинской вол. Цив. у. Казан. губ.	Яншихово- Норвакское Цив. у. Казан. губ.	01.09.1914 19	Ранен до 05.03.1915
8	Ижеев Арсений Васильев	12.06.1894 с 01.09.1909 до 22.09.1914	д. Яровой-Касы Балдаевской вол. Ядрин. у. Казан. губ.	нет данных	01.09.1914 20	Ранен до 03.04.1915; представлен к Георгиевск. кресту 4-й ст.
9	Леонтьев Феодор Леонтьев	24.11.1894 с 01.09.1909 до 22.09.1914	д. Орнары Яниково- Шоркиринской вол. Цив. у. Казан. губ.	Янтиковское Цив. у. Казан. губ.	01.09.1914 19	нет данных
10	Мигушов Филипп	01.12.1896	нет данных	нет данных	02.01.1915 18	Погиб в атаке до 03.04.1915
11	Милоткин Димитрий	ноябрь 1896 г.	нет данных	нет данных	08.09.1914	Отказ за малолетством
12	Никифоров Александр Никифоров	01.09.1895 с 01.09.1911 до 22.09.1914	д. Алманчиково Тимбаевской вол. Буинск. у. Симбирск. губ.	Мало-Яльчи- ковское Тетюшск. у. Казан. губ.	08.09.1914 19	Ранен до 03.04.1915; представлен к Георгиевск. кресту 4-й ст.
13	Петров Степан Петров	25.07.1895 с 01.09.1911 до 22.09.1914	д. Эльбарусово Покровской вол. Чеб. у. Казан. губ.	Икковское Чеб. у. Казан. губ.	08.09.1914 19	Ранен до 05.03.1915
14	Савельев Евдоким Савельев	27.07.1894 с 01.09.1909 до 22.09.1914	д. Малые Туваны Аликовской вол. Ядрин. у. Казан. губ.	Аликовское Ядрин. у. Казан. губ.	01.09.1914 20	Погиб до 03.04.1915; представлен к Георгиевск. кресту 4-й ст.
15	Семёнов Даниил	04.12.1895 с 01.09.1911 до 04.03.1915	д. Передние Траки Убеевской вол. Ядрин. у. Казан. губ.	нет данных	08.09.1914 В сентябре 1914 г. по состоянию здоровья не принят 19	Представлен к Георгиевск. кресту 4-й ст. до 03.04.1915
16	Семёнов Нестор Семёнов	24.07.1893 с 01.09.1909 до 22.09.1914	д. Челкасы Акулевской вол. Чеб. у. Казан. губ.	Акулевское Чеб. у. Казан. губ.	01.09.1914 21	Ранен до 05.03.1915
17	Смирнов Вавила	24.01.1893	с. Игорвары Цивильск. у.	Игорварское Цивильск. у.	07.09.1914	Жив 13.06.1915

	Архипов	с 01.09.1911 до 22.09.1914	Казан. губ.	Казан. губ.	21	
18	Шашков Матвей Ефимов	28.07.1896 с 01.09.1911 до 22.09.1914	д. Мамзи Мало-Яушевской вол. Ядрин. у. Казан. губ.	Абызовское Ядрин. у. Казан. губ.	08.09.1914 18	Представлен к Георгиевск. кресту 4-й ст. до 03.04.1915

И.Я. Яковлев живо интересовался судьбой своих воспитанников, ушедших на фронт, и вообще о том, как воюют чуваши: «г. Симбирск. 23 января 1915 г. Многоуважаемый Евгений Александрович ... Вы чрезвычайно лестно отзываетесь о чувашах-солдатах Чебоксарского полка, сформированного здесь, в Симбирске, как и другой Спасский полк по преимуществу из инородцев-чуваш. В эти два полка попали и мои воспитанники ... Вы, говорят, служили в Чебоксарском полку, участвовали в нескольких сражениях и в разных выступлениях нашей доблестной армии, видели самолично отделные действия солдат из чуваш, равно и их групповые выступления, весьма вероятно под Вашей личной командой ... Вот уже почти 50 лет я непрерывно работаю над просвещением моих сородичей-чуваш, суть которой заключается в утверждении их в православии и в объединении с великим русским народом, а потому я очень просил бы ... сообщить мне более или менее подробно известные Вам отдельные эпизоды и групповые действия, в которых были участниками преимущественно чуваш. У нас из двух старших классов школы поступило в добровольцы 13 человек, они сейчас находятся за рекой Вислой на передовой линии. Один из них, как мне сообщили, уже убит, а один ранен. Из писем их видно, что они настроены бодро и сохраняют воодушевление.

Известны мне случаи поступления в действующую армию добровольцами из среды и простых чуваш. Сообщили мне и о том, что из села Сиктермы Спасского уезда Казанской губернии поступили добровольцами отец и сын.

Во время фотографирования в Симбирске Чебоксарского и Спасского полков многие солдаты, главным образом бывшие воспитанники Симбирской чувашской учительской школы приходили в наш храм молиться, а потом заходили ко мне и к преподавателям. У нас шли беседы о важном значении настоящей войны, о стремлении немцев поработить нас. Теперь то вот реальные, даже конкретные проявления чувашами храбрости и стойкости во время военных действий меня живо интересуют. Ведь этот народ все считали загнанным, убогим, даже трусливым. Будьте так добры ... сообщите Ваше общее мнение о солдатах-чувашах, если можно, опишите отдельные эпизоды и общие выступления чуваш и утеште меня, почти 70-летнего старика» [1, Л. 71–71 об.].

Бывшие воспитанники обращались за советом к И.Я. Яковлеву даже с фронта. Так, письмо А. Анисимова, служившего в команде музыкантов 489-го пехотного Рыбинского полка, содержит просьбу выслать документы об учёбе и посоветовать, как действовать дальше. «Многоуважаемый Иван Яковлевич! До сих пор Вы не знали где нахожусь я ... Посоветуйте мне,

пожалуйста, относительно моих документов, находящихся при школе: можно ли их выслать мне ... ввиду тяжелого критического положения Родины и угрожаемой опасности со стороны внешних врагов, а также и внутренних, ведущих к гибели нашу Родину и Революцию, счёл своим долгом послужить не простым солдатом, а по возможности тем, кем находятся в настоящее время мои товарищи, т.е. бывшие воспитанники второго класса школы, иначе говоря, хочу поступить в военное училище. Мотивом к этому служит то, что в армии в настоящее время чувствуется большой процент убыли офицеров, а след[овательно] – недостаток в них. Знаю статьи Устава, по которым в военные училища принимаются окончившие 2-х классное М[инистерства] н[ародного] просв[ещения] училище, а я же это училище [Абызовское Ядринского уезда] прошёл и почти четыре года учился в школе. Я поступил из школы добровольцем в армию из второго класса в 1915 году в марте месяце и до сих пор нахожусь на фронте. Сначала я был на австрийском фронте и был там в боях. Теперь нахожусь на Кавказском фронте. Словом, мое долгое пребывание на фронте даёт мне преимущество для поступления в военное училище ... Я хотел воспользоваться отпуском и приехать держать экзамен при школе, но в настоящее время отпуски прекратились. Выданные же мне при поступлении в армию добровольцем удостоверения, видимо, затерялись при отступлении из Австрии ещё в мае месяце 1915 года ... Бывший воспитанник второго класса вверенной Вам школы Александр Анисимов.

P.S. На Кавказском фронте я нахожусь уже полтора года и если Вас интересует, то я могу всё подробно сообщить – нашу жизнь при старом режиме и все красоты природы Турецкой империи.

Получено 21 авг. 1917 г.» [1, Л. 67–68 об.].

Таким образом, несмотря на то, что треть добровольцев из воспитанников Симбирской чувашской учительской школы погибла уже в первые полгода, они достойно показали себя на фронтах Первой мировой войны: каждый третий был представлен к первой награде – Георгиевскому кресту 4-й степени – уже в первые месяцы службы, а некоторые к 1917 г. стали офицерами.

Источники и литература:

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее ГИА ЧР) Ф. 207. Оп. 1. Д. 1106.
2. ГИА ЧР. Коллекция фотодокументов. Оп. 2. № 747 Центральное здание Симбирской чувашской учительской школы.
3. ГИА ЧР. Коллекция фотодокументов. Оп. 2. № 1358 И.Я. Яковлев и учителя Симбирской чувашской учительской школы.
4. ГИА ЧР. Коллекция фотодокументов. Оп. 2. № 415 Слушательницы женских педагогических курсов Симбирской чувашской учительской школы.
5. ГИА ЧР. Коллекция фотодокументов. Оп. 2. № 16542 Учитель музыки Ф.П. Павлов с учащимися Симбирской чувашской учительской школы.

Беженцы в городе Козьмодемьянске

*В.Л. Шерстнёв, учёный секретарь
МУ «Козьмодемьянский культурно-
исторический музейный комплекс»*

Аннотация. В статье рассказывается о проблемах, с которыми пришлось столкнуться беженцам во время Первой мировой войны, освящена роль местной власти при приёме беженцев.

Ключевые слова: Первая мировая война, г. Козьмодемьянск, беженцы.

О Первой мировой войне есть такая фраза: войны никто не хотел, но война была неизбежна. В итоге Первая мировая, эта пирамида из 10 млн трупов – самый наглядный памятник человеческому безумию. Главные плоды победы (экономические и политические) пожали США, умело используя межгосударственные противоречия.

В первые месяцы войны ситуация для Русской армии складывалась благополучно. Однако, летом 1915 г. началось отступление по всему фронту. В этот момент Верховная ставка под руководством Великого князя Николая Романова издаёт указ о массовом выселении людей с западных территорий Российской империи. За лето-осень 1915 г., часто против воли, оттуда вывезли около 5 млн человек. Цель была благой: спасти своих граждан от вражеской агрессии. В соответствии с указом врагу должны были оставлять выжженную территорию. Люди, покидавшие эти пепелища, были полностью разорены. Можно предположить, что в годы Первой мировой войны г. Козьмодемьянск принял около 2 тыс. беженцев. Люди приезжали целыми семьями буквально с одним чемоданом на всех. Средств на приём такого потока беженцев, по сути, у руководства г. Козьмодемьянска не было. Государство, силы которого забирала война, пополнять местную казну не спешило. Закон, определяющий статус беженцев, появился не сразу. Тем не менее, ресурсы, чтобы помочь людям, бежавшим от войны, козьмодемьянцы находили. Местные власти быстро организовали для измученных тяжёлой дорогой людей столовые, медицинское обслуживание, некоторым нашли рабочие места, составили список домовладельцев, готовых предоставить беженцам кров. В 1918 г. к власти в России пришли большевики и уравнили всех в правах, лишив большую часть беженцев Первой мировой войны последних государственных выплат. Люди стали уезжать. Сколько беженцев вернулось домой, сказать трудно. Можно предположить, что для десятков людей козьмодемьянская земля навсегда стала родной.

Сегодня о беженцах Первой мировой войны память хранят архивные документы, которые привожу в своей статье.

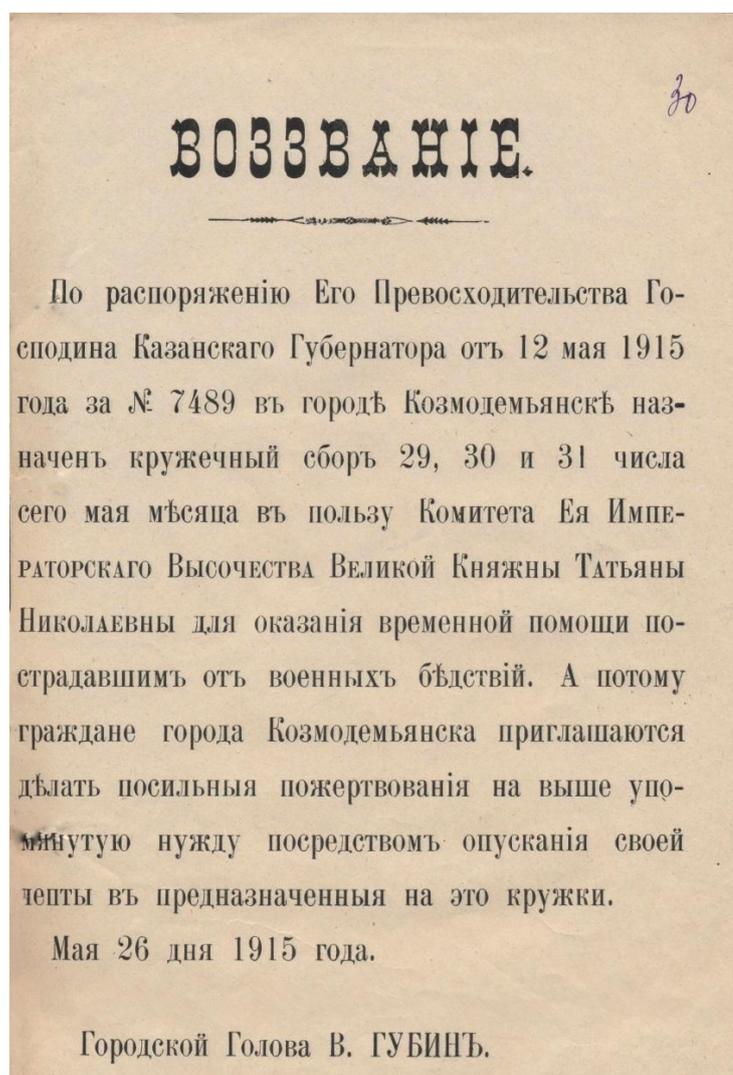
Воззвание к гражданам г. Козьмодемьянска об оказании временной помощи беженцам, пострадавшим от военных бедствий

26 мая 1915 г.

По распоряжению Его превосходительства господина Казанского губернатора от 12 мая 1915 года за № 7489 в городе Козмодемьянске назначен кружечный сбор 29, 30 и 31 числа сего мая месяца в пользу Комитета Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. А потому граждане города Козмодемьянска приглашаются делать посильные пожертвования на вышеупомянутую нужду посредством опускания своей лепты в предназначенные на это кружки.

Городской голова В. Губин

ГА РМЭ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 814. Л. 30 (ил.1).

ГА РМЭ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 814. Л. 30.

Прошение Козьмодемьянской городской управы об отпуске из казны денег на содержание беженцев

22 сентября 1915 г.

Его превосходительству господину главноначальствующему Казанской губернии.

Представляя при сём в 3-х экземплярах копию с постановления чрезвычайного заседания городской думы, состоявшегося 29 числа минувшего августа месяца, по рассмотрению вопроса о принятии в г. Козьмодемьянске беженцев, городская управа имеет честь почтительнейше просить ваше превосходительство не отказать в своём распоряжении возбудить ходатайство перед Министерством внутренних дел согласно циркуляра Казанского губернского отделения Комитета Её Императорского Высочества Великой княгини Татианы Николаевны об отпуске из казны средств, израсходованных городом на приём беженцев и для дальнейшего их содержания и приёма, так как у города положительно не имеется никаких средств для приёма беженцев. А между тем, их прибыло в г. Козьмодемьянск в течение пяти дней сего сентября в количестве 1350 человек и в силу необходимости пришлось временно сделать заём из пожертвованных денег частными лицами на раненых воинов в сумме 300 руб. и этих средств явно недостаточно.

О сделанном распоряжении управу не оставить уведомлением.

Городской голова
И.д. секретаря

ГА РМЭ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 833. Л. 212.

Рапорт жандармского унтер-офицера И. Михеева об отношении к войне разных слоёв населения в Козьмодемьянском уезде

29 ноября 1916 г.

Секретно.

Помощнику начальника Казанского губернского жандармского управления в Тетюшском, Свияжском, Чебоксарском, Спасском, Козьмодемьянском и Ядринском уездах рапорт.

С 25 по 29 сего ноября мною совершён 11-й в сём году очередной объезд, а предыдущий объезд был совершён с 12 по 16 июня сего года. Причём был в Татаркасинской, Ардинской и Больше-Юнгинской волостях. При разговоре с сельскими должностными лицами, крестьянами, рабочими, беженцами и на работах с военнопленными проявлений политического характера нигде не замечается по существу настоящей войны. Должностные лица и крестьяне разговаривают разнообразно, большинство из газет, но настроение терпимое, есть слухи разные и ложные, ни на чём не основанные,

вообще чувашская и черемисская сплетня, которая и проходит бесследно и безвредно для дела. Беженцы постепенно мирятся с обстоятельствами, приспособляются к жизни; трудоспособные благодаря высокой заработной плате живут очень сносно; трудно живется тем, обременённым детьми, больным и старикам беженцам, исключительно живущим благотворительными комитетами. Военнопленные в уезде находятся на казённых работах в лесу и всё-таки продолжают верить в победу Германии и Австрии. Например, говорят: «Рус был немного капут, Сербии был совсем капут, скоро Румынии будет капут, Австрии и Германии капут никогда не будет», с нетерпением ждут ее.

Копию вместе с сим представляю начальнику управления за № 266.

Справка: предписание начальника сего управления от 27 октября сего года за № 766.

Унтер-офицер Иван Михеев

ГА РМЭ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 7. Л. 96–96 об.

Прошение в Козьмодемьянскую продовольственную комиссию беженца мещанина М.Л. Шмуца о выделении необходимой муки для его хлебопекарни

2 февраля 1917 г.

В Козьмодемьянский городской комитет продовольственной комиссии мещанина Менделя Лейбова Шмуца, торгующего в городе Козьмодемьянске по свидетельству III-го разряда и живущего в доме Торсуевой на углу Набережной и Базарной площади прошение.

Имея пекарню, в которой раньше, то есть в конце 1916 года и в начале 1917 года, я выпекал до 30-ти мешков муки, то есть 20 мешков белого и 10 мешков для поклёванного хлеба, и то на неделю не хватало, так как одна моя пекарня для всего еврейского населения в гор. Козьмодемьянске, которых находится в наличности около 500 человек, то есть 400 человек евреев австрийских подданных и до 75 человек евреев русских подданных. Да кроме этого большое количество продавалось хлеба и русским жителям гор. Козьмодемьянска и уездным во время базара, тогда ещё можно было существовать и держать пекарню. Но в настоящее время с распоряжением получения муки по запискам городской управы, по которым мне только дают в неделю шесть мешков муки, то для моей пекарни и торговли очень-очень мало. Так что держать пекарню и торговлю при таких условиях невозможно, а именно, потому, что все евреи, живущие в Козьмодемьянске, преимущественно пользуются печёным хлебом из моей пекарни. Да и в базарные дни все приезжающие из уезда на базар торговцы и покупатели также большую часть печёного хлеба разбирают они у меня. А если продолжать так, что еврейское население города должно остаться без хлеба и

мне от них житья не будет, так как будут требовать хлеба, а у меня его нет и не будет. Так что из шести мешков муки, даваемой на неделю для печева хлеба, работать и содержать пекарню и торговое помещение невозможно.

А поэтому я обращаюсь к комитету продовольственной комиссии, а также и председателю этого комитета с настоящей моей покорнейшей и почтительнейшей просьбой, которую прошу не оставить без внимания. А именно, прошу удовлетворить, по возможности, мою настоящую просьбу о разрешении выдавать мне для пекарни на неделю, то есть 20 мешков для белого хлеба и 10 мешков для чёрного хлеба. А если же так уже невозможно, то прошу комитет разрешить мне получать муки для пекарни для той же надобности, хотя уже не меньше как по 20-ти мешков, то есть сто пудов муки, из которых третью часть для чёрного хлеба, а две третьих части для белого хлеба. То при удовлетворении меня для пекарни хлеба этим количеством муки ещё можно работать и производить торговлю печёным хлебом. А если при невозможности дать мне просимое количество мешков муки на каждую неделю для печева хлеба, для удовлетворения нужд в этом населения, которое ко мне будет обращаться, за неимением достаточного количества хлеба я должен буду приходящим отказывать, и они с семьями принуждены будут оставаться без хлеба. А без хлеба оставаться, то значит быть голодным, а от этого могут быть с людьми болезни, чего, конечно, для населения города совсем бы нежелательно.

А потому во избежание этого я ещё раз прошу комитет и председателя комитета продовольственной комиссии не оставить меня в просимом и разрешить мне еженедельно получать просимое количество мешков муки, то есть 30 или не менее 20-ти мешков в указанной мною норме.

А в случае не удовлетворении моей сей просьбы мне тогда приходится закрывать свои предприятия, как пекарню, так и торговлю хлебом.

Проситель – мещанин Мендель Лейбов Шмуц.

ГА РМЭ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 878. Л. 244–245.

Источники и литература:

1. Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / сост., предисл. и коммент. А.Г. Иванова. – Йошкар-Ола, 2008. – 616 с.
2. ГА РМЭ. Ф. 16, Ф. 132.